

Татьяна Раевская

В
с
ё

р
а
в
н
о

м
ы

БУДЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сойди с проторенной тропы...

Татьяна Раевская

Всё равно мы будем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69413197

SelfPub; 2023

Аннотация

Разные люди приходят в танго. Для кого-то это просто красивый танец. Для кого-то это путешествие к себе. Для кого-то это отчаянная попытка снова найти силы жить. Мир танго – это зеркало, вглядываясь в которое главные герои проходят череду внутренних испытаний и откровений. Ему тридцать семь, и он красавец-тангеро. Она старше, преподаёт японский язык в университете и считает, что для неё жизнь уже закончена. У каждого из них есть своя тайна. Смогут ли они позволить себе любить?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	30
Глава 4	48
Глава 5	57
Глава 6	73
Глава 7	82
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Татьяна Раевская

Всё равно мы будем

Все имена вымышлены,
Все совпадения случайны.
Всё остальное – правда.

Глава 1

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви.

(1-е послание Иоанна 4:18)

Дыхание ее оборвалось.

Екатерине показалось, что внутри лопнула искусственная, прозрачная и плотная, как полиэтилен, пленка, отделяющая ее от источника огня, и теперь он резко вырвался наружу и полыхнул нестерпимым жаром, так что невозможно стало дышать.

Его губы прижались к ее губам, а рука нежно провела по щеке и...

Нет!

Внезапный приступ паники накрыл ее и заставил отбросить его руку, которая уже уверенно скользила от шеи к ключице и ниже, к груди, готовясь вобрать в ладонь ее мягкое полукружие.

Нет! Вдруг, почувствует... Стыд какой... О Господи...

Электрический ток бессвязных мыслей прошел ее насквозь.

Она отпрянула. Но он удержал ее. Уверенно и професси-

онально. Одна рука поддержала спину, другая от ее резкого движения замерла в замешательстве, коснувшись кончиками пальцев выпирающих острых краев ключицы.

Массивное итальянское зеркало в золоченой раме отразило обнимающуюся пару: широкоплечего молодого мужчину с безупречной осанкой и темными волосами до плеч и хрупкую женщину с короткой стрижкой, которая напряженно отклонилась назад. Если бы зеркало умело говорить, оно рассказало бы, что уже давным-давно никто не стоял обнявшись здесь, в мягком полумраке великолепной прихожей богатого особняка. И светлый паркет из дорогих пород дерева, словно в музее, и кудрявая лепнина на потолке, и бра с кокетливыми завитушками, да и само зеркало почти во всю стену будто замерли в ожидании восхищенного женского вздоха: «О боже, как красиво!»

Дом давно жил без хозяйки, и вся его красота томилась от невостробованности.

Екатерина мельком взглянула в зеркало. Однако вместо восхищения оно отразило

лицо, исказившееся от ужаса и похожее на застывшую японскую маску демона Ханьи. Но в отличие от демона, вечно пылающего страстью и ревностью, Екатерина то горела, то леденела. Она сама не ожидала, что тело так испугается и забьется, как птица, пойманная в силки. Она так долга шла к этому, и вот...

Она всмотрелась в свое отражение. Теплый неяркий свет

оберегал ее, сглаживая морщинки лучше любого тонального крема. Она знала, что в полумраке выглядит моложе своих сорока шести. А новое стильное платье в горошек, оттенка какао с молоком удачно скрывало худобу. Из хаоса мыслей выскочило: «Ладно, вроде ничего, не такая уж и старуха». А потом опять нахлынула волна страха и стыда: «Нет...не могу, не могу...»

Она попыталась высвободиться.

– Катя, ну ты что? Не бойся. – Он разомкнул объятия.

Ей казалось, что внутри отчаянно мечется кто-то безумный. В висках застучало.

Бежать, бежать отсюда! Дура! Старая дура, идиотка! Зачем вообще согласилась? Понятно же было с самого начала, что они оба этого хотят. Идиотка! Нет, не понятно было, что вот так, сразу... Ведь говорил же, посидим, кофе попьем, пообщаемся. Ей-то нужно сначала все рассказать! А теперь что? Нет, нет, бежать!

Но, как обычно в минуты опасности, она одеревенела. Ум понимал, что происходит что-то страшное, и пылал обрывками мыслей, но тело словно застыло.

– Пойдем! – Лео взял ее за руку, как делал это каждую неделю в зале танго-клуба, приглашая танцевать.

Его ладонь, теплая и чувственная, передавала послание – доверься. Она знала эти руки – мягкие и в то же время по-мужски сильные, с длинными пальцами. Они, казалось, слышат ее всю. Понимают каждую клеточку и согревают. Всегда.

Даже зимой, когда она, прибегая на уроки танго, с усилием, но безуспешно, растирала ледяные ладони, одного его прикосновения было достаточно, чтобы кровь быстрее побежала по венам и руки начинали гореть. Он щедро делился своим огнем. Одно его прикосновение – и перед ней открывается космос.

Из рук лились ощущения нежности и поддержки. Не бойся, не бойся, все хорошо, я с тобой...

Екатерина обмякла и выдохнула. Закрыла глаза.

Ее тело поддалось. Оно уже привыкло доверять этому мужчине: всю осень и зиму два раза в неделю они обнимали друг друга, то нежно, то страстно, околдованные музыкой. Яркой, ритмичной музыкой Д'Арьенцо¹ или изысканной музыкой Пьяццолы².

И ей так захотелось лечь в эти мягкие объятия и плыть, плыть... как на танцполе, под звуки бархатного баритона Альберто Подеста... и не думать, главное – не думать.

Она открыла глаза. Он легонько потянул ее за руку. Коридор с голубыми стенами и белыми колоннами тек, как река, а потом вдруг незаметно закруглился и разлился широким озером салона, откуда открывался вид на кухню.

На потолке сами собой зажглись желтые огоньки, как звезды на небе. Заиграла нежная музыка: гитара на фоне щебе-

---

¹ Хуан д'Арьенцо, 1900-1976, композитор аргентинского танго.

² Астор Пьяццола, 1921-1992, композитор аргентинского танго, основоположник стиля танго нуэво.

чущих птиц.

Лео проводил ее к низкому диванчику с вычурными позолоченными подлокотниками, обитому атласом благородного мятного цвета. Салон был выдержан в стиле «ампир», в золотисто-зеленых тонах. Жена его обожала выставлять напоказ все это великолепие, иногда избыточное и граничащее с безвкусицей.

Дом дышал богатством, изобилием, излишеством. Пышный интерьер давил на Катю, лишал ее воли, усиливал неловкость. В жизни она не видела такой роскоши и поэтому никак не могла представить Лео в этом интерьере. И тем не менее он здесь. Что-то не сходилось.

Она поерзала на краешке дивана, растерянно озираясь и не зная, как начать разговор.

– Это твой дом? – наконец не выдержала она.

Он криво усмехнулся:

– Ну... я тут живу.– И повернулся к бару.

– Сейчас, подожди минутку. – Он достал большую шкатулку из красного дерева и вынул покоившуюся на белой шелковой подушечке бутылку в виде сердца. Она была увенчана хрустальной пробкой. Внутри подрагивала благородная жидкость густого янтарного оттенка.

Лео плеснул немного в широкий коньячный бокал и протянул Екатерине.

– Выпей!

Она с ужасом помотала головой.

– Не буду...

– Пей, не отравишься! – он засмеялся. – Это Дженсен.

Столетней выдержки.

И чего она так трясется?! Что не так?

– Не хочу!

– Ка-а-ть! Да расслабься ты!

– Мне нельзя...

И вдруг ее как прорвало: «Мне пора... я домой... извини, мне нельзя... – Она забормотала, не глядя ему в лицо. Вско-чила. Полубезумными глазами обвела комнату, выхватывая взглядом золотые подсвечники, изящный круглый стол, стулья на резных ножках...и побежала в прихожую, как будто убегая от цунами.

Он пошел следом.

– Катя, да что происходит? Ну давай просто посидим, поговорим нормально.

– Мне надо идти, – прошептала она.

– Надо, так иди, – сказал он нарочито равнодушно.

Она, словно почувствовав то неуловимое, что подталкивало их обоих к разрушению, которого так хотелось избежать и которому невозможно было сопротивляться, прошептала еще тише:

– Прости...я не могу...не могу.

– Иди. – Он еле сдерживал гнев и непонятную дрожь. И как-то неуклюже подал ей темно-синее пальто. Екатерина

все никак не могла попасть в рукав, нервно дергала плечом, боялась, что невзначай коснется Лео. Он отстранился и держал пальто на расстоянии, никак ей не помогая.

Пустыми глазами он смотрел, как она крутанула дверную ручку.

Дверь хлопнула.

Вот и все.

Лео на ватных ногах доплелся до салона, где на малахитовом журнальном столике все еще стояли два пузатых бокала. Он взял оба, чокнулся сам с собой, поднес один к губам. Но внезапно ему стало тошно. Он хотел было напиться, чтобы заглушить переполняющие его противоречивые чувства растерянности, гнева и оскорбленного мужского достоинства. Раньше Лео привычно убегал от переживаний в тот мир, где нет ни проблем, ни решений. Но сейчас что-то его остановило. Нужно разобраться.

Он прошел на кухню. Хотел выплеснуть коньяк в раковину и туда же грохнуть бокалы. Да гори оно все огнем! Но сдержался. Коньяк был дорогуший, бутылка чуть не полмиллиона стоила, из старых запасов, подаренных тестем еще тогда. Стекло тончайшее. Разбились бы наверняка. Он медленно, наблюдая за движением своей руки, нарочито аккуратно поставил бокалы на стол. Выдохнул.

Что же, блин, не так?

Ей же не пятнадцать лет! А боится, как девочка.

Он вернулся в салон и устало повалился на диван. Машинально пощелкал пультом, но любимая музыка сегодня только раздражала. Он недовольно отбросил пульт.

По-че-му?! Он терялся в догадках.

Ум, не усыпленный алкоголем, вдруг взбодрился и принялся лихорадочно собирать осколки рассыпавшейся картины мира, выхватывая мысли и пытаясь приладить их друг другу. Лео крутил этот калейдоскоп, но то ли какого-то кусочка не хватало для создания волшебной гармонии, то ли что-то было лишнее.

Он потряс головой. Так, стоп. Давай по порядку.

Вот едем в такси. Держимся за руки. Все нормально.

Он снова ощутил магию момента и улыбнулся.

Ее сияющие глаза. Понятно же, что любит. И хочет. Ее тело никогда не врет. Он-то знает. Дальше. Мы в прихожей. Целуемся. И вдруг...

Перед его внутренним взором встало ее лицо, искаженное ужасом.

Он заглянул в эти глаза... Вспышка, взрыв. Внутри у него разверзлась адова бездна, и из нее вырвался призрак прошлого, которого он не вспоминал почти двадцать пять лет. И его, Лео, взрослого и уверенного в себе мужика, уже нет. Вместо него – испуганный тринадцатилетний мальчик. Стоит и трясется перед взрослой обнаженной женщиной, не в силах совладать с собой, весь во власти ее зрелой чувственности и своего неконтролируемого страха.

И у этого мальчика же лицо, полное ужаса.

Слезы подкатили неожиданно. Замороженные чувства, скрытые в темных водах подсознания, как невидимая часть айсберга, всколыхнулись этим взрывом и стали двигаться, наползая одно на другое. На поверхность выплыли совсем неприглядные картины, возвращая его к забытому прошлому. Он отчетливо ощутил свой стыд и беспомощность. А ведь он ни в чем не виноват.

Почти час он просидел как парализованный. Потом тяжело поднялся и пошел в душ.

Неужели у нее тоже случилось в детстве что-то подобное? И теперь...

Екатерина вылетела из особняка и, задыхаясь, побежала, ничего не видя перед собой, словно боясь, что он сейчас догонит ее, схватит, прижмет к себе, и она уже не сможет сопротивляться, и случится то самое, непоправимое.

Он увидит все.

Глава 2

Сойди с проторенной тропы, и ты найдешь Путь.

(Мастер Дайске, яп., XVII век)

Екатерина перешла на быстрый шаг, потом пошла медленнее, а потом и вовсе остановилась, согнувшись и тяжело дыша. Долго бежать она не могла. Сердце колотилось где-то в горле.

Прославляя яркий жизнеутверждающий май, на аллее горделиво и женственно красовались сливы, абрикосы, яблони. Весь Владивосток был в цвету. Белоснежные, золотистые, лимонные оттенки, услаждающие взор, дополнялись неземными ароматами и сулили блаженство. На короткие десять дней Владивосток превратился в рай. Но никто из флоры этого первозданного рая не мог сравниться с Ней. Нежное, щемяще-трогательное облачение вишни сахалинской, иными словами, сакуры, легким облаком еле держалось на тонком девичьем стволе и влекло мысли созерцателя в прошлое – туда, где юность, нежность и невесомость, туда, где любовь так близка к небу.

Под ногами Екатерина увидела маленький серый камушек, а на нем опавший розовый цветок. Как будто камень зацвел, подумалось ей. Она присела, подобрала цветок и растерянно покрутила его в руке...

«Древние греки знали три вида времени и называли их: Хронос, Циклос и Кайрос. Как же соотносятся эти понятия с настоящим моментом, о котором говорит дзен?»— Катя поставила знак вопроса и закрыла блокнот. Потянулась.

– Пойду погуляю, – она подошла к узкому шкафчику в гостиничном номере для паломников и взяла ветровку.

Римма, в своем ярко-алом кимоно похожая на настоящую японку, валялась на матрасе и читала свежий выпуск глянцевого журнала с большими буквами ZEN, May 2008 – на обложке.

– Угум... – промычала она не отрываясь. – Фонарик возьми.

– Да зачем он мне? Телефон же есть. – Катя гордо потрясла перед носом подруги новехоньким синим «Нокиа», подаренным родителями совсем недавно, на день рождения.

– Тридцать три года, возраст Христа, – со значением произнес тогда папа, протягивая ей коробочку. – Надеюсь, ты в этом году осуществишь что-то достойное. По крайней мере, защитишь уже диссертацию.

Катя смиренно кивнула. Муж и мама посмотрели на отца с обожанием, а на Катю – с легкой укоризной.

Она отогнала воспоминание, сунула телефон в карман спортивного костюма и накинула на плечи рюкзак.

Римма вскочила с недовольным видом, пошарила у себя в тумбе и вытащила налобный фонарик.

– Корова... – беззлобно пробурчала она и сунула фонарик

в рюкзак.

– А ты коза, – парировала Катя. Обмен любезностями был их неизменным ритуалом с детского сада.

Катя раздвинула бамбуковые двери и вышла в сад. Свежесть и чистота раннего утра пощекотали ей ноздри легким ароматом неизвестных трав. Она почувствовала, как разжались зубы и расслабилось лицо, словно кто-то большой и добрый провел по нему теплой губкой и все огорчения сползли вниз и провалились в недра земли, куда-то глубоко, где в кипучей лаве перерабатываются все человеческие страсти и невзгоды.

День обещал быть хорошим. Катя улыбнулась и бодро зашагала по дороге из гостиницы. Телефон заряжен, паломников вокруг пруд пруди – что может случиться? Ей было не страшно.

Буддийский монастырь Энряку-дзи, который вчера приехали посетить подруги, был основан в 788-м году и считался обителью прославленных монахов-марафонцев школы Тэндай. Эти монахи шли к просветлению через экстремальные нагрузки: по несколько дней обходились без воды и питья и целыми днями тренировались, готовясь к главному испытанию – изнурительному тысячедневному марафону.

Разрешение на такую практику получали только избранные монахи. Марафон продолжался в течение семи лет. За это время монах должен был пробежать расстояние, примерно равное окружности земного шара. Заключительным эта-

пом был семидневный пост без еды, воды и сна. С 1885 года марафон смогли завершить всего сорок шесть человек.

Гид, восторженная девушка с короткой стрижкой, вчера, при встрече группы, протараторила на английском всю историю монастыря, вкусно катая во рту звук «р».

– Монахов называли боевыми, так как они демонстрировали чудеса выносливости, – очень эмоционально, совсем не в японском духе, рассказывала она. – Могущество монастыря росло, монахи даже вступали в ожесточенные битвы с другими монастырями и политическими лидерами, и поэтому в конце XVI века сегун Ода Нобунага решил прекратить существование буддийских армий и взял монастырь штурмом! – Она сокрушенно покачала головой. – Уничтожил три тысячи монахов! Полностью разрушил монастырь. Храмовые постройки, которые вы видите сегодня, были возведены заново в начале XVII века.

Во время пламенной речи гид сказала то, что очень заинтересовало Катю, так как имело отношение к теме ее научной работы:

– Здесь проходили обучение и будущие основатели других ответвлений религии, например, буддизма Чистой Земли, дзэн-буддизма и школы Нитирэн.

Японка почтительно поклонилась, и вся группа паломников из разных стран поклонилась тоже.

Катя приехала в Японию в первый раз – ее научный руководитель выбил для нее паломническую поездку по древним

монастырям, в рамках работы над диссертацией по истории японского языка. Одна из глав называлась «Как изменились в японском языке оригинальные китайские иероглифы и их значение под влиянием дзен-буддизма».³

Сама бы Катя никогда не решилась просить за себя. А так хотелось своими глазами посмотреть на древние храмы, почувствовать атмосферу мест, где живут многовековые традиции, послушать, как монахи произносят те слова, которые появились в языке благодаря дзен.

Она мечтала поучиться медитации или разгадать какой-нибудь коан – нерешаемую логикой задачу, которая расширяет сознание. Гид вчера приводила примеры: «Как выглядело твое лицо до рождения?» или «Что заставляет тебя отвечать, когда тебя спрашивают?» Катя не знала даже, как подступить к решению коана. Ну что заставляет отвечать? Да мало ли что... хотя бы просто приличия или вежливость. Но она понимала, что не такого ответа ждут от учеников мастера дзен.

Все эти традиции выглядели такими мудреными и вызывали у нее священный трепет. А у Риммы – нет.

---

³ Сущестующая японская система письменности восходит примерно к IV веку н. э., когда из Китая в Японию пришло иероглифическое письмо. Нет явных доказательств того, что до появления китайских иероглифов в Японии существовала своя система письменности. Традиция Дзен (Чань) известна в Японии с VII-го века. Именно тогда это течение впервые проникло в страну Восходящего солнца из Китая. Святилище Энрякудзи, принадлежащее к школе Тэндай, являлось духовным центром этого направления (Википедия).

– Все просто. Жизнь вообще проста, – объяснила она Кате после лекции о странных дзенских загадках. – Что заставляет тебя отвечать? Да ничего! – Она победно хмыкнула. – Какое было у тебя лицо до рождения? Да вот такое! – Она сложила руки лодочкой перед грудью и закрыла глаза. Постояла немного молча. Потом открыла глаза и подмигнула Кате: – Ты-дыщ! Какие там еще загадки были?

– Как звучит хлопок одной ладони? – Катя обожала Римму. Ей казалось, что та явилась с другой планеты, с планеты, где живут иные существа, не нагруженные человеческими грехами, виной, сомнениями и бесконечной рефлексией. Свободные.

– Ой, да это вообще ерунда, – сказала Римма, и Катя внезапно захохотала. – Смотри и запоминай! – Римма царственно выпрямилась, подула снизу на челку, левую руку картинно уперла в бок, а правую подняла вверх. – Как звучит хлопок одной ладони? – переспросила она. – Да вот так! – и она с силой хлопнула себя по бедру. – Хорошо звучит, а?

Когда Катя рассказала подруге про Японию, Римма напросилась в попутчицы. Она сама оплачивала поездку. Сколько это все стоило, Катя даже представить не могла. Но у Риммы была собственная клиника неврозов в центре Владивостока.

Они путешествовали уже пять дней и начали паломничество с посещения горы Койя, на которой находится храмовый комплекс из ста семнадцати святилищ. Первую же ночь

они, как настоящие паломники, провели в одном из храмов – шукубо.

Вот это опыт!

За последующие дни они научились спать на полу на специальных матрацах – футонах. Научились есть экзотическую пищу: мисо-суп, тофу в разных видах – соленый, сладкий, под соусом. Молодые послушники деликатно стучали в дверь светлой комнаты, в центре которой стоял маленький столик, молниеносно накрывали обед и так же молниеносно исчезали.

Кате нравилось в Японии все – и аскетизм, и простота, и изысканность этой простоты.

Она наслаждалась. Первый раз она выехала куда-то без семьи и пару дней чувствовала себя ужасно виноватой, особенно за то, что ей было так хорошо и свободно без мужа, без двух дочерей. Она же их так любит! Откуда тогда это ощущение безграничного парения в небесах и сладости жизни? Ведь так не должно быть, нехорошо это. Эгоизм.

Катя осторожно поделилась своими переживаниями с подругой.

– Да забей, – махнула рукой Римма, разглядывая в местном ларьке дорожные сувениры. – О, смотри, какая морда! – Она примерила маску демона Ханьи⁴, покрутилась пе-

---

⁴ Маска, которая используется в японском театре **но**, представляющая собой страшный оскал ревнивой женщины, демона или змеи, при прямом её положении. Однако если маску немного наклонить, то из-за скошенных бровей создается видимость безутешно рыдающего лица (Википедия). Самая популярная ле-

ред зеркалом. – Возьму. Повешу в кабинете. – И продолжала:– Да поживи ты для себя, наконец. Тридцать три уже, а ты все жить боишься. Смотри, какая свобода, красота! Сама же мечтала. Наслаждайся! И не порть нам отдых, зануда ученая!

Катя послушно кивала и думала: «Тебе хорошо говорить, у тебя же нет детей». Но фраза про страх жить зерном упала в душу и начала прорастать удивительным образом, непонятным Кате.

На пятый день новые впечатления улеглись в душе и Катини путевые записки стали перемешиваться с мыслями о диссертации. Настоящее, такое мощное, яркое, вытеснило из памяти семью и заполнило Катю всю. И как-то незаметно для себя она перестала бояться – Япония приняла ее с любовью, все здесь казалось очень знакомым, даже родным.

Поэтому сегодня утром Катя отважилась пойти погулять вокруг монастыря одна.

Гора Хиэй, на которой находился монастырь Энряку-дзи, приветливо зеленела. Тонкие стволы сакуры изящно изгибались, словно танцуют. Огромные камни с круглыми, будто обтесанными, краями, были покрыты мхом и низким, по колена, кустарником. Камни создавали холмики на пути, а между

генда, связанная с маской, гласит: одна девушка страстно и самозабвенно любила странствующего монаха. Любовь оказалась безответной. От гнева, обиды и разочарования девушка превратилась в демона с телом змеи. Она нашла монаха и покарала его, спалив огненным дыханием. Но месть не принесла ей облегчения. И с тех пор демон странствует по земле, не находя покоя.

ними росли розовые цветы, щедро разбросанные по всей горе. Сочетание зеленого и розового привело Катю в восторг.

Она сошла с туристической тропы, присела на камушек и огляделась. Лес казался абсолютно безопасным, хотя гид вчера сказала, что тут водятся и черные медведи, и тануки (енотовидные собаки). Глаза скользили от одного розового пятна к другому, выхватывая островки посреди мощного ярко-зеленого океана. Катя достала из рюкзака телефон. Десять ноль-ноль. «Ай да Катя, ай да молодец!» – похвалила она сама себя. Всего-навсего десять, а она уже полгоры облазила.

Она поднялась, но на тропу возвращаться почему-то не захотелось. Где-то неподалеку был слышен грохот фуникулера и гул прибывающих паломников. Ей хотелось побыть одной. И она зашагала прочь от этого шума, перескакивая с камня на камень.

Через некоторое время исчез шум человеческой суеты. Разлилась тишина, и Кате показалось, будто бы лес изменился. Пахнуло волшебством. Древние деревья ласково кивали, сбрасывая ей под ноги свои разноцветные сокровища, цветы, – единственное, чем они владели и готовы были делиться. Катя подняла розовый лепесток и двинулась вдоль широкой скалы. Тропа была сухая и удобная – утоптанная ногами туристов и монахов-марафонцев.

«Наверное, многие бродили здесь вот так, как я», – подумалось Кате. Почему-то стало грустно, как будто гигантская

человеческая сороконожка, прошедшая здесь до нее, оставила свои отпечатки и съела всю первозданность дороги. И Кате теперь оставалось только идти по чьим-то следам, за кем-то, кто прошел тут раньше и незримо указывал – ступай сюда, тут выемка, видишь, а туда не ходи, там скользко, а вот здесь можно придержаться за ветку.

И она послушно следовала неслышным советам, как всегда в таких случаях вспоминая папу. «Зачем самой набивать шишки? Будь умнее. Используй опыт других людей!» – говорил он. И она слушалась. И никогда не решалась сделать что-то сама, наперекор. Глупой казаться не хотелось. Ошибок Катя старалась избегать. И к тридцати трем годам движения ее стали скованными, мысли – узкими, сухими и практичными. Повседневные заботы и постоянные кризисы в стране, когда нужно было просто выживать, сожрали ее мечты о танцах, о коанах, о медитациях, о легком дыхании жизни.

То ли дело Римма. Ее в семье боготворили, и из родителей своих она веревки вила. Из этих веревок можно было бы канаты для парусов сотворить – прочные, надежные.

Обожаемый ребенок, купающийся в любви, – что может быть прекрасней? – размышляла Катя, пробираясь сквозь заросли кустарника.

Вот и выросла она такой ...сочной, что ли...и всегда-то она была в центре внимания, не боялась показаться дурой, и даже глупым шуткам ее все смеялись. А ведь Римма не была красавицей, которым прощают все, даже глупость. Напо-

ловину корейанка, низкорослая и полненькая, она постоянно улыбалась. Лицо ее, плоское и круглое, походило на румяный толстощекий блин. Еще в детском саду, когда им было по три года, Катя попала под очарование брызжущей восторгом энергии, блестящих черных глаз, в которых плясали и черти и ангелы. Попала, и осталась в плену. Вместе с Риммой в ее жизнь вошла целая радостная вселенная.

В тот момент, когда Римма заливалась смехом, казалось, что даже в самый хмурый день солнце с изумлением пробивается сквозь тучи, чтобы хоть одним лучиком узнать, что тут творится, из-за чего сыр-бор и кто наделал столько шума. В этом году на свой тридцать третий день рождения Римма покрасила волосы в красный цвет. Катя смотрела на преобразование подруги со смешанным чувством ужаса и восторга. Сама она никогда не решилась бы на такое – ее неизменной прической было классическое каре, строгое, как и подобает преподавателю университета и кандидату филологических наук.

А может, она просто завидует подруге? Катя споткнулась и больно ударилась пальцем о камень. Вот не завидууй, нехорошо это – одернула она сама себя и резко остановилась. Огляделась. Вокруг замер зачарованный лес. Увлечшись мыслями и воспоминаниями, она не заметила, как забрела куда-то далеко.

Ее вдруг охватила паника. Где я? Как выбраться? Она

схватила рюкзак. Трясущимися руками вынула телефон. Связи не было. Сердце ухнуло, как камень, летящий с большой высоты – стремительно, бесповоротно, навсегда оторвавшись от своей привычной домашней вершины.

«Не паниковать, не паниковать! – прозвучал в голове спокойный и уверенный голос Риммы. – Дыши глубоко».

Катя вздохнула. Посмотрела на небо, потом на деревья вокруг. Как определить стороны света? Эх ты, филолог! Сейчас это слово прозвучало совсем уничижительно. Ну определишь, а дальше?

«Вот сошла с протоптанной тропки, и что теперь? Пропадать будешь? – в голове включился папа. – А вот заблудишься тут и помрешь? Ты же даже не знаешь, какие растения можно есть. Или тебя саму съест медведь».

Катя отмахнулась от голосов. Ни папы, ни Риммы сейчас со мной нет. Есть только я.

Невдалеке резко хрустнула ветка, и Катя вскочила. Прислушалась. Ничего. Или...

Это черный медведь?! Он сожрет большую часть меня, а клочки подберет енотовидная собака. Как там ее? Что-то типа бубуки. Мумухи. Та...та...та...короче, бабайка страшная, из детства. Придет и укусит за бочок.

Катя дико захохотала. Все, приехали. Привет, истерика.

Из глаз брызнули слезы. Отсмеявшись и проплакавшись, она затихла.

В тишине ей почудился еле слышный чарующий звук. Что это? Скрипка? Нет. Звук был не тонкий, не щемящий, а какой-то глубокий. В нежности скрипка и флейта похожи, но в скрипке Катя всегда чувствовала какой-то невыносимый надрыв, будто играли на ее собственном сердце, касаясь его так, словно еще чуть-чуть – и полоснут по самой плоти, и тогда... заплачет оно кровавыми слезами.

Флейта?

Кто-то ходит по горе и играет на флейте? А что, чудаков тут полно. Надеюсь, не медведь. Откуда идет звук? Надо выяснить.

Она сделала шаг влево. Прислушалась. Тонкий тихий звук манил ее. Давал надежду. Еще шаг влево. Звук стал слышнее. Значит, она двигается в верном направлении. Через несколько шагов Катя поняла, что идти нужно вдоль широкой скалы, обросшей кустарником и кривенькими деревьями. Ветками они торчали из серых стен, а корнями уходили куда-то внутрь этих самых стен, будто бы ища и находя в глубине камня плодородную землю, дарующую деревьям силу и веру в себя.

Звук усилился, но никого не было видно. Тут точно никто не ходил лет сто. Тропа совсем исчезла. Катя вдруг поняла, что звук идет изнутри горы. А может, там есть какой-то проход? Она осмотрела скалу. Та казалась неприступной, но что-то подсказывало Кате, что над ней просто смеются. Она не видит того, что должна увидеть. Не видит, не видит...

А куда смотреть?

И тогда она сделала нечто совсем нелогичное, чего не решилась бы сделать в присутствии кого-то. Но здесь было тихо и безлюдно, и ей захотелось попробовать. Она закрыла глаза и наощупь поползла вдоль скалы, на звук, который в этот миг проявился отчетливей, яснее, словно невидимый музыкант решил ее подбодрить: давай-давай.

Упс! Рука вдруг соскользнула – каменная стена резко оборвалась. Катя открыла глаза.

В горе оказалась щель. Неприметная, узкая, словно вход в кроличью нору. Еще один шаг влево – и скала шла дальше, как ни в чем не бывало. Это лаз, в который может пролезть только небольшое животное. Или ребенок. Или такая худенькая женщина, как Катя.

Что делать? Лезть или не лезть? А вдруг провалюсь? Сломаю ногу и не смогу выбраться и умру в этой горе, потому что меня точно не найдут.

Она в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Ломать ни одну из них как-то не хотелось.

Звук флейты, словно отражая ее сомнения, прервался, как поперхнулся, а потом с новой силой начал партию – торжественно и глубоко. Теперь он был не тонкий, а густой, мощный.

Катя порылась в рюкзаке. Благослови, Господи, Римму! – Она натянула ремешок фонарика на лоб. Огонек зажегся, и дело пошло.

Она присела на корточки и поползла в темноту. Сначала ползла «гусиным шагом», чтобы не запачкаться, но быстро устала. Пришлось опуститься на колени и двигаться дальше, помогая себе руками, а в какой-то момент даже лечь на живот, чтобы проползти под нависающим сводом. Прощай спортивный костюм, фланелевый, красивого темно-синего цвета...

Катя продвигалась медленно. Маленький фонарик отвоёвывал у темноты лишь небольшое пространство в пару шагов. Камни больно впивались в колени и ладони. Не повернуть ли обратно? Сомнения усложняли ей путь, а флейта подбадривала.

Наконец узкий лаз кончился, и Катя смогла встать в полный рост. Впереди светлело.

Она с облегчением выдохнула и сделала несколько робких шагов.

– Hello? Is anybody here? – голос ее, дрожащий от волнения, показался жалким. Блею, как овца, осудила она себя. Прокашлялась и сказала погромче: – Конницива! (Здравствуйте)

Ей показалось, что флейта смеется в ответ. Свет впереди стал ярче. Еще несколько шагов. Еще. И еще. Она смогла различить стены узкого лаза. Слава богу, он был один, никаких ответвлений не видно, иначе пиши пропало. Тут она и останется со своей способностью ориентироваться. Клубок Ариадны-то ей никто не дал. В голове вспышкой пронесся

вчерашний диалог с Риммой:

– Возьми эту красную ленточку, тут всем выдают.

– Зачем? Мне не надо.

А вот сейчас бы пригодилось.

Чем дальше Катя шла по коридору, тем светлее становилось вокруг. Когда он кончился, она вступила в огромный освещенный зал.

Света было так много и обрушился он так неожиданно, что Катя зажмурилась.

А когда открыла глаза, увидела такую картину.

У костра, выложенного темными булыжниками, на плетеной циновке сидел старенький японец в сером кимоно. Над костром висел тецубин – чугунный чайник для чайных церемоний.

Длинные усы и жидкая седая борода делали старичка похожим на сома, как его рисуют в детских книжках. Глаза, узкие, остро-пронзительные, глянули на Катю, и она вздрогнула. Что было в этом взгляде, она и сама не поняла.

– Конницива, – пробормотала она снова, сложила руки у груди и поклонилась. – Миницимайотта (Я потеряла путь).

Японец у костра странно хрюкнул. Теперь его взгляд показался Кате насмешливым.

– Соредокорока, анатавасоре о мицкемаста (Напротив, ты нашла его), – раздался глубокий голос справа.

Глава 3

Когда вы не осознаете происходящее внутри вас, снаружи это кажется судьбой.

(Карл Густав Юнг)

Катя резко повернулась. Она не успела даже разглядеть говорившего, потому что неожиданные слезы хлынули из глаз, а сердце вдруг отчаянно закричало: «Папа!»

Узнавание пробило Катю насквозь, как пулеметная очередь, которая не оставляет ничего старого и привычного. Она пошатнулась. И уставилась на подошедшего старика.

Внешне он ни капельки не походил на ее отца. Профессор лингвистики Павел Александрович Давыдов, потомок декабриста, статный, плотного телосложения, с роскошной седой гривой, даже в свои семьдесят притягивал восхищенные женские взгляды. Про таких говорят: импозантный мужчина.

А старичок был как опавший цветок сакуры, подобранный Катей, – такой же сухой и сморщенный, но светящийся былой красотой. Глаза у него какие-то странные – темные и неподвижные. Неужели слепой? Он приближался к ней медленно, опираясь на узловатую палку.

Катя смахнула слезы. Растерянность уступила место удивлению. Она пригляделась к старичку. Обычное серое кимо-

но. Худое лицо, словно выточенное из желтой яшмы и отполированное годами, почти без морщин.

Сколько ему лет?

Катя даже предположить не могла. Весь его облик дышал безвременьем. И Кате показалось, что через его черные немигающие глаза на нее взирает сама вечность.

Почему папа? Почему она плачет?

– Кто вы? – прошептала она, но старик покачал головой и сделал приглашающий жест вправо. Она повернулась. В углу пещеры стоял чайный домик, тсяицу. Почти настоящий, только без крыши. Воображаемые стены были обозначены четырьмя бамбуковыми стволами высотой в человеческий рост. Наверху они были соединены в квадрат горизонтальными перекладинами, связанными простой веревкой.

Внутри, в углу, на татами кто-то сидел.

Слепой старик с посохом, которого она про себя уже назвала Сенсей, неспешно двинулся к чайному домику. Катя засеменила следом. Второй старичок, Сом, остался колдовать у костра. Дорожка к домику была выложена большими плоскими камнями, чуть влажными, как будто их кто-то полил из лейки, поэтому пыль не поднималась. Краем глаза Катя заметила, что в глубине пещеры серебряной каплей светится подземное озеро. Вот где вода, подумала она. По всему периметру пещеры виднелись круглые светильники, длинными ножками воткнутые в землю. У родителей на даче стоят похожие. Папа ими очень гордится. Прогрессивно. Ведь

они на солнечных батареях! А откуда солнце здесь? Или они их каждый день на улицу выносят заряжать?

Старичок впереди негромко кашлянул, и Катя устыдилась своих мыслей. Действительно, что это она, глазает вокруг, как турист? Сейчас важнее другое. Она сосредоточилась на серой спине ведущего и попыталась идти с ним след в след.

Они шли молча и торжественно. Катя знала, что дорога к тысящу это важная часть древнего японского ритуала. Путь символизировал удаление от повседневных забот, суеты и тревог.

Ее провожатый остановился перед большой циновкой у входа в чайный домик. Наклонился, снял варадзи, плетеные сандалии с завязками, и перешагнул через воображаемый порог.

Катя тоже сняла кроссовки. Неужели ей доведется поучаствовать в легендарной чайной церемонии сада? Похоже, что так.

Вопросы толпились в ее голове, толкались, пихались, как пассажиры в троллейбусе, и каждый хотел быть задан, но водитель, ответственный и строгий, не позволял им проявиться, и через какое-то время они дружно выдохнули, прижались друг к другу и затихли. До поры до времени.

Вступив в домик, Катя разглядела того, кто сидел в углу. Он выглядел намного моложе тех двоих, если можно сравнивать, конечно, ибо все трое казались Кате древнее горы Хиэй.

Он играл на длинной бамбуковой флейте. Эти звуки и привели Катю сюда. Маленький и кругленький, третий старичок напоминал Хотея – бога изобилия и радости.

Она молча поклонилась.

Так как других гостей не было, она поняла, что это будет особая церемония, риндзитяною, посвященная только ей. Ее проводят, готовясь к важнейшим событиям.

А с чего такая честь? Это что, все только для меня? Как будто меня здесь ждали.

Старик «сенсей» улыбнулся, словно прочитал Катины мысли, и занял место чайного мастера.

«Хотей» продолжал сидеть в углу и играть на флейте, но мелодия сменилась с призывно-лирической на тихую и монотонную. Кате казалось, что он тянул одну ноту, тихо-тихо, словно боялся, что от более громкого звука расплескается чай.

Густая и протяжная песня флейты приглашала расслабиться и забыть обо всем.

С точки зрения логики все вокруг происходящее походило на сцену из спектакля в театре абсурда. Какая-то пещера, какие-то старички, какой-то дырявый чайный домик! Без окон, без дверей...

Катя отмахнулась от этой мысли. Звук флейты уводил ее от земли, от прямолинейной логики. Какой-то частью своего существа она почувствовала, что все, что происходит с ней здесь и сейчас, это самая что ни на есть настоящая реаль-

ность. Та, в которой она ощущает себя в полной безопасности.

Они сели друг напротив друга, и «сенсей» начал свои приготовления. Неслышно подошел «Сом», поставил тецубин на циновку справа от «сенсея» и снова удалился к костру.

Время будто остановилось. Катя посмотрела в глаза чайному мастеру. Плакать больше не хотелось, на нее снизошел покой. Ей показалось, что маленький и сухонький старичок стал огромным, как гора, и таким же могучим.

Она пригубила чаю.

Погоняла его во рту, как полагается. Это в России считается дурным тоном хлюпать и причмокивать во время чаепития, а в Китае и Японии это обязательное действие – чай должен коснуться всех рецепторов во рту, щедро омыть верхнее небо.

Горьковатый вкус неожиданно раскрылся нотками обиды.

Внезапно всплыли в памяти детские горести: как она, в шесть лет, завернувшись у окна в тюлевую занавеску, пританцовывала и припевала, воображая себя царевной-лебедью. Махала руками, как крыльями...

Ощущение полного, безграничного счастья было прервано резким окриком папы из кабинета: «Опять ерундой занимаешься? Время тратишь? Иди читай!»

И она как-то сразу сникла, словно цветок, который опалило слишком жаркое солнце. Вроде бы оно любя, но без воды цветку не жить.

Или вот еще. Ей четыре.

Это ее самое первое воспоминание в жизни.

Она взяла у папы тушь и кисточку для каллиграфии. У себя в комнате она нарисовала на большом листе ватмана чудесный рисунок: цветочки и листочки в стиле го-хуа – древнекитайской живописи. Художник мог часами рисовать листья бамбука, добываясь совершенства. Кате было некогда. Она наляпала цветочку жирных черных лепестков и посадила целый сад.

Когда отец, работавший в кабинете, внезапно понял, что дитя подозрительно затихло, и заглянул в комнату, он увидел жуткую картину. Ребенок был словно вымазан в саже – черные полосы под носом и на щеках напоминали боевой раскрас индейцев. Кисточка, которую профессору как величайшую драгоценность подарил коллега из Токийского университета, походила на ершик для чистки унитазов. А ведь была волосок к волоску, чтобы ей поддавались тончайшие нежные линии.

То, что сейчас грянет гром, Катя поняла не сразу. Она в пылу своего черно-белого садоводства даже не заметила, как открылась дверь за спиной. Громкий вопль отца заставил ее вздрогнуть:

– Кто разрешил брать кисточку?

Спина сжалась, как будто ее хлестнули плетью. Все внутри заледенело.

– Папочка...

Он подошел и с силой вырвал у нее кисточку и тушь. Молча. Это было самое страшное. Катя не понимала, в чем ее вина, и потому боялась отца. Особенно боялась, когда вот так, молча, будто бы ее, Кати, не существовало вовсе.

– Папочка, я тебе подарок рисовала... – Губы ее задрожали. Огромные серые глаза набухли слезами.

Но он не хотел слушать. Снизу вверх она смотрела на свое прежде обожаемое божество, которого теперь страшилась. Она что-то сделала не так. Но что?

Флейта внезапно взяла высокую ноту и вырвала Катю из прошлого.

Она очнулась. Сенсей с космическими глазами протягивал ей вторую чашку. Рукав серого кимоно чуть пополз вверх, и она заметила на запястье розовый цветок сакуры. Неужели татуировка? – изумилась Катя. В Японии они не то чтобы запрещены, но отношение к ним настороженное. До 500 года татуировки были привилегией императоров. Позже – самураев. Самыми популярными были изображения хризантемы, символизирующей решительность и самообладание, и сакуры. Нежный цветок, с его короткой жизнью, напоминал самураю о мимолетности бытия: мы на этой земле всего лишь гости. Воин готов был умереть в любой момент и как напоминание об этом носил татуировку.

Но старичок «сенсей» ведь не самурай, молнией промелькнула мысль. Ему же не пятьсот лет! Значит...зна-

чит... что?! Якудза? В двадцатом веке, с 1948 года, преступники набивали тату, чтобы показать свою принадлежность к какому-то клану или группировке. По возрасту он подходит.

Катя вдруг испугалась. Куда она попала?! Эти трое, кто они? Живут в пещере. Укрываются от властей? Она решила, что они монахи. Но монахи не набивают себе тату! Может, они убийцы? Заманивают жертв, а потом... а потом... что потом? Она даже не знала, что предположить. Ограбят? У нее ничего нет. Убьют? Зачем? Да и убили бы уже давно, если б захотели. Она охнула. Изнасилуют? Они же старые! А может, человеческие жертвоприношения? А в чае наркотик? Сейчас напьюсь, а они у меня сердце вырежут. Жуткие в своей абсурдности образы словно окатили ее грязной водой. Будто кто-то сверху вылил на голову помои. Катю передернуло.

От костра раздалось приглушенное хрюканье.

Она испугалась еще больше.

И, ища спасения, посмотрела на чайного мастера.

Он, казалось, прочитал все ее безумные мысли, но и бровью не повел. Весь его облик излучал умиротворение. Бездонные глаза не транслировали никакой информации, не давали опоры. Как ни всматривайся, ничего не понятно.

Он так и застыл с чашкой в протянутой руке. Катя осторожно взяла чашку. Ей стало неловко. Страх и стыд тащили ее в разные стороны. Победил стыд. Они тут ради нее такое затеяли, а она будет кочевряжиться?

Катя сделала глоток и закрыла глаза.

Вторая чашка была горше предыдущей. Странно, – пронеслась мысль. Даже не мысль, а ощущение мысли. Как ветерок от крылышка бабочки. Обычно ведь бывает наоборот. Вкус должен утончаться, пока не станет еле заметным, почти неуловимым, как предчувствие.

Боль навалилась на нее, как стадо безумных баранов, и в этой боли она уже не могла различить своих обид на отца, на мать, на мужа, который был вечно занят и только морщился, когда она хотела поговорить по душам.

Ей вспомнился один вечер. Они смотрели по телевизору «Дневник памяти», лежа в постели. Дети давно спали и завтра была суббота, никаких лекций в универе, можно отдышать и ни о чем не думать. Фильм взбудоражил Катю. А смог бы ее муж вот так же? Быть с ней до последнего и даже тогда, когда она себя не помнит?

Она осторожно прижалась к нему. Муж не любил телесных контактов, все время морщился, когда она подходила обняться. Она знала об этом, но не могла сдерживаться. Ей были нужны прикосновения.

– Он у тебя не кинестетик, к тому же недолюбленный, мать же его отдала в ясли в два месяца, – растолковывала ей Римма. – Вряд ли этот канал уже откроется. Терпи. Ходи к массажисту, там тебя погладят, – беззлобно хохотала она.

Но Катя все не оставляла своих попыток достучаться до

мужа. Надеюсь, что ее любовь сможет его исцелить.

– Тебе понравилось? – спросила она, еле сдерживая слезы. Ей очень хотелось обсудить тонкости любовных переживаний и получить ответ на свой вопрос. Он с ней? Они по-настоящему вместе? В горе и радости, пока смерть не разлучит? Или...

– Нормально, – сухо ответил он. И навалился на нее.

Когда все закончилось, она почувствовала себя использованной. Обида ошпарила ее и колючим ежом встала в горле.

Вдруг вспомнилась мама, которая шла со своим служением мужу гордо, как революционер со знаменем, готовая в любую минуту пожертвовать собой во имя высшей цели, великого блага, а именно комфорта драгоценного супруга. Он же гений! Катя с детства видела один и тот же сценарий маминой самоотверженности. Мать отдавала всю жизнь, не ожидая благодарности, не замечая, что превратилась почти в прислугу.

Кате стало стыдно от своих мыслей. А может, это и есть счастье? И мама, кажется, вполне довольна своей судьбой. А она, Катя? Это же мой женский долг, надо его выполнять. Терпеть надо. Такая вот у него любовь.

– Нельзя наступать на себя, – профессионально поучала ее Римма, потягивая мартины на просторной Катиной кухне. – О своих чувствах надо говорить. Иначе невысказанные эмоции начинают разъедать человека изнутри. Как рак, не дай бог, конечно, тьфу-тьфу-тьфу. Ферштейн?

– А если мои чувства никому не нужны? – спросила она тогда.

– Нужны, – покровительственно, как ей показалось, ответила Римма. – Тебе нужны. Тебе, а не кому-то там. Отношения – это когда вы можете рассказывать друг другу обо всем. А иначе зачем?

«Тебе хорошо говорить», – привычно подумала Катя. Но вслух ничего не сказала, боясь обидеть подругу, у которой не было ни мужа, ни детей. И при этом – вот странность! – Римма не то чтобы не чувствовала себя несчастной, а наоборот, сияла радостью и удовольствием от жизни. Смаковала ее, потягивая через трубочку, как пьянящий коктейль.

С каждой выпитой чашкой удивительного чая Катя проваливалась в свои воспоминания и вспышками, как кадры клипа, перед ее внутренним взором проносились сцены из жизни и болью отзывались во всем теле. Ее ломало и крючило, спина ныла, как будто только сейчас Катя осознала, какой тяжелый груз она несет. Сколько прошло времени, она не знала. Ее тошнило этими воспоминаниями.

В какой-то момент картинки прекратились, и наступила пустота.

Экран был чист.

Бытие раскрылось перед ней, как будто обняло. И не осталось ни Кати, ни стариков, ни пещеры, ни тьмы, ни света, ни любви, ни боли. Она сама – была, это определено. Но

была не прежней Катей, преподавателем университета, ученым-японистом, замужней женщиной, несчастливой в браке, матерью двух дочерей... Она больше не знала, кто она. Единственное, что она знала – она есть. И ее новое «Я» вмещало в себя все: и ее саму, и стариков, и пещеру, и тьму, и свет, и любовь, и боль. Вмещало, но было свободным от этого.

Тишина долго звенела, а то, что раньше было Катей, просто созерцало.

В этой тишине и пустоте она внезапно услышала свой собственный далекий, но твердый голос:

– Я так больше не хочу.

И открыла глаза.

– Не хочешь, не живи так. Все в тебе. – Ей показалось, что старик заговорил, хотя губы его, сомкнутые в полуулыбке Будды, не разжимались.

Кате почудилось, что слова эти эхом отскочили от стен пещеры и загрохотали внутри нее самой:

– Не хочешь, не живи.

В тебе есть все – и страдание, и счастье.

Тебе выбирать. И не только выбирать. В тебе есть сила творить. Оставь сомнения – и обретешь великую силу. Живи по сердцу. Научись слушать его и доверять по-настоящему, тогда оно расцветет. Для этого делай то, что сама хочешь. Слушай, чего душа просит. Найди свои истинные желания. Следуй им. Помнишь, чего ты хотела в детстве?

Она как в забытьи покачала головой. Пожала плечами:

– Не помню... Счастливой хотела быть.

– Будешь. Только найди свое.

Когда была допита последняя чашка, Катя почувствовала, что внутри разливается покой. Ничего больше не хотелось, ничто не страшило ее. Она была дома.

Старик «сенсей» не хотел ее переделывать, она сразу это поняла. Он просто был рядом, позволяя всему происходить так, как оно происходит. Ни осуждения, ни жалости, ни скуки не выражало его бесстрастное лицо, пока Катя проходила через чистилище. И его безмолвие было ей лучшей поддержкой.

Катя перевернула чашку вверх дном и поставила на деревянный столик. «Хотей» положил свою флейту и поклонился, сложив руки перед грудью. Поклонился и чайный мастер.

Катя заерзала. Тело, застывшее на время этой магической церемонии, дало себя знать: чаю выпито немало. Где здесь туалет? И как спросить? Неудобно же, мужчины. Она вспомнила, как всегда в школе стеснялась отпрашиваться с урока, терпела до последнего. Боялась, что одноклассники будут смеяться. Неужели и сейчас, в таком-то возрасте, тоже боится и стесняется? И даже после всего чудесного, что с ней случилось только что, во время медитации? Неужели опять она превратилась в прежнюю Катю, а та новая, большая и бесстрашная, куда-то исчезла?

Она растерянно оглянулась. Хотей расплылся в добро-душной улыбке и махнул рукой на выступ в скале, недалеко от входа в пещеру. Катя встала. Миллионы острых иголок впились в ноги. На полусогнутых она вышла из чайного до-мика.

«Туалет» оказался спрятан в скале и представлял собой небольшой грот с треугольной, уходящей вглубь расщелиной посередине. Отверстие было обложено деревянными доска-ми. Рядом стояли ковш с водой и биоразлагаемая туалетная бумага. В углу – ведро с песком и желтый детский совок.

Никакого запаха, все очень чисто.

«Интересно, как давно они живут здесь? – подумала Ка-тя. – Все так обустроено. И где их жены? И, главное, кто они сами? Или все-таки монахи?»

Она подошла к костру. Все трое уже стояли там, освещен-ные ярким пламенем. Надо спросить дорогу домой, они на-верняка знают. Может, даже проводят. Но не успела она от-крыть рот, как «сенсей» сказал, по-прежнему не размыкая губ:

– Хочешь, можешь переночевать у нас.

– Хочу! – чуть не крикнула Кате, но одернула себя. – Я не могу. Я должна быть в монастыре. Меня ждут.

– В монастыре? Ждут? – переспросил старик со значени-ем, а «Сом» снова хрюкнул и мелко затрясся. Когда он сме-ялся, усики его подрагивали, а жидкая бороденка двигалась вместе с подбородком. Создавалось впечатление, что он рас-

качивает ее, чтобы зачерпнуть что-то в воздухе.

Катя недоуменно посмотрела на стариков. «Хотей» подмигнул ей, но промолчал.

– Пойдем покажу тебе комнату, – сказал «сенсей».

– Комнату? Где она?

Это что, элитный отель? Для спелеологов?

Они подошли поближе к скале, и Катя увидела, что в ней, как в улье, множество пещерок. Выдолблены они, или это нерукотворное? Да тут целый город можно уместить!

Она заглянула в первую пещерку. Пол устлан циновками, на циновках – матрац. Такой же футон, как в их гостинице. Ого... вот это да! Разрыв шаблонов. Ортопедическая подушка! Да они тут явно любят комфорт. В правом углу стоит какая-то корзина, рядом с ней длинная бамбуковая флейта.

Господи, как же она устала! Как хочется спать! После такого длинного дня, блуждания по лесу, этой странной чайной церемонии, в которой она перепрожила всю свою жизнь. Лечь бы и уснуть. Вот прямо сейчас. Положить голову на эту чудесную подушку...

«Ты охренела, Катя? – вдруг раздался в голове чей-то голос. – Тебя же искать будут! Сейчас же возвращайся!»

Голос был не папин. И не Риммы.

В первый раз Катя увидела «его». Вернее, услышала. Разжиревший внутренний судья, «он» чувствовал себя вольготно и свободно. Не ограниченный ничем, невидимый, но всемогущий, он судил каждый взгляд, каждую мысль, каждое

движение руки. Выносил приговор, и Катя безропотно садилась на скамью подсудимых. Он распоряжался Катиной жизнью, как будто имел на это право. А она никогда не оспаривала его.

Вот и сейчас...

– Я не могу. Мне надо идти, – словно извиняясь, пробормотала она. Но почему, почему она ни разу в жизни не может сделать так, как хочет? Почему всегда должна подчиняться каким-то условностям? Или этому типчику, судье, который имеет над ней такую власть?

А так бы посидели еще у костра, может, старики и рассказали бы, кто они такие. Хотя страшновато. Вдруг правда маньяки? При этой мысли ей почудилось, что пространство поплыло перед глазами и три старичка превратились в три золотистых шара, которые беззвучно смеялись и трепетали в пламени костра, сияя то розовым, то чисто золотым светом.

«Сенсей» молча поклонился.

– А можно я к вам еще раз приду? – замирая от страха отказа, спросила Катя.

– Можно. Приходи. – спокойно «ответил» старик, и она с облегчением выдохнула. Ну вот и хорошо, подумалось ей, завтра снова приду.

«Сенсей» кивнул «Хотею» и тот, улыбаясь во все щеки, как чеширский кот, пошел к выходу из пещеры. Пропустил ее вперед, а потом и сам, втянув живот и став почти плоским, как камбала, просочился в узкую щель. Но вышли они

другой дорогой, не через лаз, по которому Катя ползла сюда. Значит, были-таки ответвления, просто она их, к счастью, не увидела.

Снаружи их встретила темная ночь. Звезды грустно мерцали, и в их тусклом свечении Катя читала разочарование. Крапал мелкий противный дождик.

Минут пятнадцать они шли молча. А когда Катя решилась задать вопрос, «Хотей» внезапно остановился и указал рукой куда-то вдаль. Катя прислушалась. Там работал фуникулер. Теперь она не заблудится. Она обернулась, чтобы поблагодарить своего улыбчивого проводника, но того и след простыл. Исчез. Будто и не было его. Растворился. А может, ей все это приснилось? Она огляделась. Да, точно, она же сидела на этом камне и думала еще тогда... о чем?

Когда она, мокрая и недовольная собой, вошла в комнату, Римма уже дремала под одеялом. От скрипа раздвинутых дверей она резко села и включила ночник. Увидев Катю, вытаращила глаза.

– Это ты?

– Я. А что?

– А нам сказали, что ты не придешь ночевать.

– Я? Кто сказал?

– Гид. Сказали, что позвонили из соседнего монастыря, что ты заблудилась и будешь ночевать у них, а утром они тебя проводят.

– Че-е-е-рт... – Катя застонала. – Че-е-е-рт, вот же я ду-

ра-а-а... Они монахи, точно. А он...

– Кать, ты что? – Римма, кажется, испугалась.

Катя села на циновку и, обхватив себя за плечи, закачалась из стороны в сторону, медленно завывая. Ну почему-у-у? Почему опять? Почему не послушала себя?

– Ка-а-а-ать! Да что случилось-то? Ты где была? Что ты воешь, как... как корова?

Катя слабо улыбнулась.

Римма всегда могла ее насмешить. Всегда, но не сейчас.

– Коровы не воют, Римма, – сказала она жестко, – коровы – это глупые покорные животные, которых доят, а потом убивают. У них нет своей воли.

Она тяжело опустилась на матрац и отвернулась к стене.

Глава 4

Человек ничего не стоит, если он не понимает, что «сейчас» и «то самое время» – это одно и то же.

(Ямамото Цунэтомо, «Бусидо»)

– Убить всех.

– Всех? Всю деревню? И детей?

– С каких пор ты переспрашиваешь? Сопротивление сёгуну должно караться. Или ты хочешь быть среди них?

Самурай покорно наклонил голову.

Поздно ночью его солдаты неслышно вошли в деревню и спящими убили почти триста ее жителей. Точнее – 284 человека. Включая двух новорожденных, двадцать девять детей, семьдесят шесть стариков и сто тридцать женщин.

Огонь. Кровь.

Девочка лет пяти бежит по двору, зажимая рот руками, чтобы не закричать, чтобы тихой мышкой проскользнуть в лаз в живой изгороди. Рядом с ней бежит ее лучший друг. Все и всегда они делают вместе, и нет у нее друга верней. Им нужно добежать до соседней деревни, там спасение.

Вот и лаз. Выуть! И острое лезвие масакари, топора на длинном древке, с силой входит в хрупкую плоть под левой лопаткой и пробивает ее насквозь, краешком выходя из груди.

Катя видит руку, метнувшую топор. На правом запястье татуировка в виде сакуры.

Она резко просыпается задыхаясь. Опять этот кошмар! Сердце колотится как бешеное, чуть не выскакивает из груди. Она вся мокрая. Волосы на затылке слиплись, а в горле сухо. Тихо, чтобы не разбудить Римму, она встает и, как старуха, шаркает в туалет. Включает свет. И, опершись на дверь, долго смотрит в зеркало, тяжело дыша и стараясь прийти в себя. Из зеркала на нее смотрят огромные, расширенные от ужаса зрачки. Это глаза забитой лани. Глаза жертвы.

Остаток ночи прошел не лучше. Катя металась во сне, а под закрытыми веками туда-сюда ходили глазные яблоки.

– Кусуноки...

– Господин?

– Я... Слушай... внимательно. Ты служил мне... достойно. Сослужи последнюю службу...

– Я готов.

– Найди... их всех...

– Кого?

– Тех... всех... из деревни. Найди и спаси их...

– Господин... но... они же давно умерли! Тридцать лет прошло!

– Нет! М-м-м... Вот они... Их лица мелькают передо мной и кричат, кричат... Они... проклинают меня. Их души не нашли покоя... Они пострадали из-за навета. Невинных я убил... Они будут мучить меня, пока их не освободят...

– Мой господин...

– Найди живой камень, который цветет, передай им... Он их спасет.

– Но...

– Поклянись, что сделаешь! Что не умрешь, пока не освободишь их всех! Тогда и моя душа обретет покой...

– Но какой камень? Где его искать?

– Я не знаю. Они говорят, камень должен расцвести. Всё, Кусуноки, всё... Поклянись! Поклянись... Освободи меня и их. Найди всех, до единого... Клянись!

– Слушаю, господин. Клянусь.

– Нарекаю тебя именем Дайске – Великая помощь. Помни. Ты поклялся, что не умрешь, пока не...

Наутро Катя первым делом хотела бежать на гору и искать вчерашнюю пещеру. Что с ней происходит? Может, она сходит с ума? А эти кошмары? Что все это значит? Они как-то связаны с монахами в пещере, но как?

За завтраком она, бледная и молчаливая, еле запихивала в себя традиционный тофу. Жевала его, как кусок резины, без всякого удовольствия.

– Катюха, ты что такая смурная?

– Опять тот кошмар...

– А где вчера пропала?

Катя отмахнулась и промолчала.

Римма просверлила подругу острым взглядом:

– Ой, Катерина, плачет по тебе моя клиника!

Но Катя не спешила обращаться к Римме за помощью. Она, конечно, гордилась, что подруге удалось создать во Владивостоке уникальную клинику неврозов и пригласить на работу лучших специалистов по психотерапии и психиатрии. Но сама Катя становиться пациентом пока не хотела.

Сразу после завтрака ей убежать не удалось: девушка-гид собрала группу в светлом зале храма, чтобы путешественники могли задать свои вопросы монахам из монастыря и узнать о традициях разных школ буддизма.

Настоятель, суровый и отрешенный, появился на минуту и представил своего ученика, молодого послушника. Затем исчез, а молодой человек, восторженно сверкая глазами, начал лекцию о дзене. Он рассказывал притчи одну за другой, артистично представляя всех патриархов дзен по очереди.

Все хохотали. Кроме Кати, которая сидела как на иголках, все время поглядывала на часы и слушала вполуха. Поскорей бы все это закончилось!

Послушник изображал медитирующего Бодхидхарму⁵.

По легенде, однажды во время медитации патриарх невзначай заснул. В гневе на самого себя он вырвал собственные веки, которые позволили себе такую неслыханную дерзость – закрыться во время практики. На том месте, куда они упали, вырос чайный куст.

---

⁵ Бодхидхарма (440—528 или 536) – первый патриарх чань-буддизма, основатель учения чань (дзен).

– Монахи пьют чай, чтобы не засыпать во время медитации, – послушник мелко засмеялся. – А вы теперь будете пить чай и думать, что это веки патриарха!

Он вынул из холщовой сумки куклу-неваляшку, похожую на матрешку.

– Это Дарума, – объяснил он. – По-японски это имя Бодхидхармы. Видите, у него нет ни рук ни ног. Говорят, он так долго медитировал под деревом бодхи, что у него отнялись все конечности.

Лектор опрокинул Даруму, но решительный патриарх мгновенно выпрямился.

– Джинсейвананакороби, йа-оки, – пропел послушник. – Это значит: «Жизнь человеческая – семь раз упал, восемь встань». Дарума – символ непреклонности и способности не унывать и подниматься после каждой неудачи.

Римма легонько толкнула Катю в бок:

– А у нас тоже ванька-встанька есть. Интересно, это влияние Японии? Как думаешь? – Римму интересовало все в жизни, в том числе и межкультурные связи, но Катя вяло пожалала плечами. Она уже изнемогла от ожидания.

Выражение лица у куклы было суровое, даже слегка дикое, а вместо глаз – два огромных пустых кружка.

– Дарума помогает исполнять желания. Напишите свое желание на бумажке и нарисуйте Даруме один глаз. Если за год желание исполняется, то рисуете и второй. А если нет, – послушник снова мелко, как будто украдкой, чтобы не раз-

гневать патриарха, засмеялся, – сжигаете Даруму и покупаете другого. После лекции можно будет у нас приобрести ... – Он достал из сумки еще несколько кукол разных размеров.

Лекция продолжалась еще час, и за это время Катя совсем обессилела. До нее долетали только какие-то обрывки фраз. Послушник стрекотал и сыпал цитатами: «Дзен это созерцание», «Есть только настоящий момент», «Если сидишь – сиди. Если идешь – иди. Главное – не мельтешишь попусту». Вся эта мудрость пролетала мимо Кати. Ум ее, как бешеный волк, рыскал в воспоминаниях о вчерашнем дне, желая найти пищу и насытиться. Он хотел немедленно бежать на поиски пещеры. Быть в настоящем моменте ему быстро наскучило.

И тут до нее донеслось:

– Но были у нас и таинственные секты, о которых мы ничего не знаем, например, Фукэ. Монахи пустоты. По легенде, она была основана бывшим самураем и существовала с XIII по XVII век. Отличительными атрибутами монахов были бамбуковые флейты и специальные шляпы в виде корзины с прорезями, полностью закрывавшие лицо. Символически монахи это объясняли тем, что отрекаются от своего личного «я». Но, возможно, все гораздо проще. – Послушник оглянулся и перешел на шепот, словно делясь чем-то сокровенным: – Основатель секты Кусуноки Масакацу просто не хотел, чтобы враги знали его в лицо. Он многих погубил... Почему он после смерти своего господина не сделал ритуаль-

ный сэпкуку, – послушник задумчиво возвел глаза к небесам, – мы не знаем...

Кусуноки!

Катя вздрогнула, как будто ее щелкнули по лбу. Сердце застучало быстро-быстро, и она снова испытала животный страх ребенка, который бежит, спиной ощущая приближающуюся смерть, и не в силах обернуться, чтобы посмотреть этой смерти в лицо.

Наконец лекция закончилась, все ринулись покупать себе куклу на счастье и Катя смогла выскочить из зала. Ей надо туда! Надо во всем разобраться! Надо спросить!

До камня, на котором она сидела, она добежала быстро, но потом на нее навалилась какая-то тяжесть. Она не знала, куда идти. Места казались чужими, незнакомыми. Она попыталась закрыть глаза и идти наощупь, как вчера, но чуть не упала и только разодрала колени. В слезах от негодования и гнева на саму себя, она бросалась в разные стороны. Пробежит несколько шагов – не туда. Возвращается к камню – и новая попытка. И опять провал. Чувство упущенного шанса раздирало ее изнутри, а досада и отчаяние затмевали разум.

Растерзанная и опустошенная, голодная, усталая, она вернулась в гостиницу только к вечеру. Римма сидела на пузатом чемодане и пыхла, застегивая молнию, которая никак не поддавалась. Чемодан, поглотивший все подарки, явно не собирался уступать и зиял огромным открытым ртом.

Римма посмотрела измученными глазами на Катю. А та – на нее.

– Чего стоишь? Иди помогай!

Катя уперлась коленкой в ребристую ткань, а Римма навалилась всем весом, но даже вдвоем они не могли победить ухмыляющийся чемодан. Из дыры на них бесстрастно глядело безглазое лицо Дарумы.

– Так, а это ж я тебе купила! – Римма вытащила игрушку и сунула ее Кате.

– Да зачем?

– Зачем, зачем! Пусть будет! Напиши желание какое-нибудь! Может, он тебе мужика нормального наколдует!

– Ты что?!

– Что, что... – пробормотала Римма, снова пристраиваясь на чемодане. – Да ни-что-о! – Она, собрав все силы, как ниндзя перед ударом, дернула молнию. Та взвизгнула и проехала необходимые три сантиметра. Римма по-боевому подула на взмокшую челку, дескать, знай наших, и довольно огляделась, как будто перед ней была аудитория восторженных поклонников. Но перед ней маячила только Катя, прижимая к сердцу Даруму, как ребенка, и растерянно моргая огромными серыми глазами.

– Ты что, уже собираешься?

– Уже? – хмыкнула Римма. – Так самолет в пять утра! Ты у нас совсем ку-ку? Корова...

– Как, завтра?!

– Ну.

Как в полусне, Катя сгребла свои вещи и не глядя сунула их комом в небольшую спортивную сумку. Сверху положила сурового неваляшку. Нет у меня никаких желаний, мрачно подумала она.

Самолет уносил ее домой.

Она открыла свой блокнот, прочитала фразу, написанную в путешествии:

«Древние греки знали три вида времени и называли их Хронос, Циклос и Кайрос. Как же соотносятся эти понятия с настоящим моментом, о котором говорит дзен?»

Она посмотрела на часы и дописала:

«Хронос бы сказал: Сегодня 12 мая 2008 года, 6-05 утра. Кайрос бы сказал: еще не время. Циклос бы сказал: все повторяется. А дзен бы сказал: сейчас».

Прошло тринадцать лет. Катя больше никогда не была в Японии.

Глава 5

Несчастье современного человека заключается в его отчужденности от самого себя и от себе подобных, от природы.

Человек осознает, что жизнь его проходит впустую и что он умрет, так и не прожив жизнь по-настоящему. Он живет в изобилии, но лишен радости жизни.

(Эрих Фромм, «Дзен-буддизм и психоанализ»)

– Блин, да выключи уже этот долбаный будильник! – раздался чей-то хриплый голос. Лео пошарил рукой справа от себя. Мягкое женское тело, обтянутое синтетикой. Грудь...

– Отстань! – недовольное движение плечом. – Дай поспать.

В голове гудело. Как ее зовут? И где они вчера так нажрались? И где, твою мать, этот чертов будильник? Острый пронзительный звук высверливал в мозгу дыру размером со вселенную. В нее падали все мысли, даже не успев оформиться. Как же хреново-то! Он потянулся через женщину к прикроватной тумбочке. Телефон должен быть где-то здесь. От нее пахло кислым запахом перегара. Как же ее, блин, зовут?

Нащупал телефон. Нажал на кнопку. Будильник, издавав-

ший мелодичные звуки Кумпарситы⁶, показавшиеся Лео истошными, наконец-то заткнулся, и наступила блаженная тишина. На экране высветилось время: 13-00. И надпись. Буквы расплывались перед глазами, казалось, они играют с ним в пляшущих человечков, а он должен, просто обязан разгадать этот странный ребус, чтобы понять что-то важное в жизни. Наконец удалось сфокусироваться, и он прочитал: «Открытый урок».

Чё-е-рт! Он резко мотнул головой и застонал от пронзительной боли. Открытый урок! В 15-00, сегодня. Придут новые ученики. Надо быть в форме. Может, там и красивые будут? Мысли скрежетали как заржавевший маховик огромной машины, но эта последняя выскочила моментально. Она никогда не засыпала.

– Э-э-э... – Как же ее зовут? – Солнце мое, пора вставать.

– Ты че? – Она разлепила глаза, и он поразился, какое мягое у нее лицо. А вчера казалась симпатичной.

– Мне на работу надо.

– Ну так езжай. Я еще посплю.

Черт! Он же не дома! Да и не могла она у него оказаться! Срочно домой, в душ и переодеться. Как же они гульнули-то вчера, пришли в седьмом часу. И он ни хрена не помнит. Ангела убьет, если узнает. Может, не было ничего? Лежат в одежде. Да нет, не было ничего. Приехали, упали. А она

---

⁶ Кумпарсита (La cumparsita), танго, одно из самых известных произведений этого жанра, написанное в 1914 году.

сама виновата, раскапризничалась, он и психанул.

Лео сел на кровати осторожно, словно боясь разбить хрустальную вазу. Вазой была его голова, в которой пульсировала адская боль.

Девушка в постели сладко потянулась и покряхтела, устраиваясь поудобнее. Он почти с ненавистью посмотрел на ее безмятежное лицо, распластанное по подушке. С закрытыми глазами оно казалось не таким мятым. На ажурных колготках стрелка, а маленькое черное платье казалось не просто маленьким, а практически невидимкой, еле прикрывая то, что требовало прикрытия. Эдакое платье-бикини. И как его угораздило?! Да нет, не было ничего, точно не было.

– Я пошел.

–М-м-м...дверь захлопни.

– Пока!

–М-м-м...

Он выскочил из парадной, как ошпаренный. Покрутил головой. Где машина?

Блин, какая машина! Они же на такси приехали. Черт, черт... Непослушными дрожащими пальцами он начал тыкать в приложение на смартфоне. Такси, срочно. Где же ты? Уволят – уже другой работы не найти.

Он старался не опаздывать, приходил всегда гладко выбритый, с еле заметным «мужским» запахом дезодоранта (парфюмом пользоваться не рекомендовалось), в цветастых рубашках, оттеняющих его загар. Ученики его любили. Тан-

го – это же так романтично в глазах обывателей. Объятия, музыка, любовь. Сексуальность, страсть... А для него – просто рутина. А может, это кризис какой-то? Ему же тридцать семь уже, почти под сорок. И что? Семьи нет, с женой не сложилось, с домом непонятно что, детей нет, ничего не достиг, работает танцором. Да и то карьера висит на волоске. Пить меньше надо. Но как тогда жить? В тоске и вечной рефлексии.

Оказавшись дома, он быстро развел себе таблетку против похмельного синдрома. Одним махом выпил пузырящуюся кислую жидкость. Поморщился. В душ! Рубашку! Черт, побриться уже не успевает. Ну ладно, главное – не опоздать.

Он мчался на своем джипе, будто спасаясь от цунами, а когда ворвался в клуб и ринулся в преподавательскую, чтобы переодеться, то даже не заметил администратора, Василису, студентку Морского университета, которая подрабатывала здесь по выходным и сидела за полукруглой стойкой слева от входа.

– Привет, Лео, – пискнула она ему вдогонку, но он уже скрылся за дверью преподавательской. Глаза выхватывали только узкий туннель впереди, а в голове, напоминая о вчерашнем, колело беспощадное шило.

Когда без одной минуты три он, выровняв дыхание, царственным львом вошел в танцевальный зал, руководитель клуба, Елена Станиславовна, хрупкая женщина за пятьдесят, уже рассказывала новым ученикам правила поведения:

– ...Проверьте, есть ли на каблуках набойки. Без набоек мы не пускаем, иначе вы можете поцарапать паркет... – она перевела дыхание. Часы с кукушкой, висящие на стене между портретами Ди Сарли и Тройло, в этот момент издали мелодичный перезвон. Лео показалось, что кукушка ему подмигнула.

– А вот и наш преподаватель, знакомьтесь – Лео Эстебас. Чемпион России по танго-вальсу, финалист Милонги России в категории танго-салон, и т.д.и т.п. Он никогда не опаздывает, – закончила она одобрительно. А Лео внутри усмехнулся: «Эффектное появление – половина дела».

«Эстебас... – тихо зашелестели женские голоса, – он что, неужели аргентинец? Настоящий?» Лео шепот услышал, но опровергать предположения не стал. Зачем рассказывать, что Эстебас – это фамилия его дедушки, которого ребенком в тридцать седьмом году вывезли из Испании в Россию? Да еще что это дедушка по линии матери, и фамилию эту Лео использует в качестве псевдонима как раз из соображений «красивости» и эффекта. И что мало кто в танго-сообществе знает о прошлом Лео и о его настоящей фамилии, записанной в паспорте.

– Это его партнерша, Анжела, она будет ассистировать на занятии, – продолжала Елена Станиславовна, бросив взгляд на девушку с длинными светлыми волосами, в облегающем леопардовом платье с разрезом до середины бедра. Анжела приложила руку к груди и грациозно присела.

– Передаю слово, – Елена Станиславовна кивнула Лео, и он выступил вперед.

– Добрый день! – сказал он, широко улыбаясь аргентинской улыбкой.

Глаза оттенка бутылочного стекла, с темными ресницами. Загорелое лицо. М-м-м... Новенькие пошатнулись. Замороженные взоры, как по команде, заскользили вниз. Белая рубашка превосходного качества, явно дорогая, плотно облегла торс. Широкие брюки из мягкой ткани шоколадного цвета, сшитые на заказ, сидели идеально.

Темные, слегка влажные после душа волосы убраны со лба и небрежно стянуты в хвост на затылке. Легкая небритость придавала Лео шарма.

– Добро пожаловать в волшебный мир! Мир танго! Этот мир откроет вам новые возможности... – Он бодро произносил хорошо заученную речь, одаривая каждого ученика теплым сердечным взглядом. Двадцать пар глаз смотрели на него: с восхищением, с надеждой, с одобрением.

Так, кто тут у нас... Гендерный дисбаланс, как водится. Если исключить волонтеров-мужчин, то один к двум. После открытого урока останется не больше половины. Некоторые пришли просто поглазеть.

Он наткнулся на оценивающий взгляд. Небольшого роста пухлый пожилой дядька смотрел на него, будто что-то прикидывая. На нем была смешная рубашка теплого розового цвета. «Лосось, – подумалось Лео. – Тяжеловато тебе будет,

придется попыхтеть. Фигура прямо как мой буфет – низкий, коренастый и на кривых ампирных ножках». Лео широко улыбнулся своей мысли, подмигнул мужчине и закончил:

– Танго доступно всем, независимо от возраста. Я счастлив с вами разделить мою любовь к нему.

Эх, зря он улыбнулся. Шило в голове превратилось в сверло и стало закручиваться где-то в глубине черепа, за правой бровью. Перед занятием он принял еще таблетку пенталгина, но боль пока не прошла. Он старался не морщиться, хотя правая щека то и дело чуть подергивалась, а глаз так и норовил закрыться, словно ему невыносимо было смотреть на привычные реалии: высокие потолки и светло-голубые стены зала с портретами «старых маэстро» и знаменитых музыкантов прошлого века.

Д’Арьенцо светил со стены ласковой и снисходительной улыбкой, как будто понимая всю глубину внутренних противоречий Лео и говоря: «Пройдет и это, танго исцелило многих». Ди Сарли в темных очках выглядел слегка надменно – от него сострадания не дождешься. Взгляд Лео рассеянно переместился на портрет Тройло – тот широким движением растягивал меха бандонеона и выглядел абсолютно довольным жизнью. А ведь с детства у него было прозвище Пичуко, как предполагают исследователи, производное от слова «плакса». «Каждому – своя боль и своя радость, – говорили мудрецы танго, – без одного не бывает другого. И мы пережили разное, и мы искали утешения в музыке».

Лео вздохнул и оторвался от созерцания портретов. Еще раз оглядел группу. Стена за его спиной была полностью зеркальной, и женщины, слушая руководительницу клуба, время от времени бросали взгляды в зеркало, легкими движениями поправляя то юбки, то блузки, то прически, переступали с ноги на ногу, блуждали глазами по полу, стараясь незаметно рассмотреть туфельки Анжелы на ошеломительной шпильке.

Несколько женщин средних лет, одна старше шестидесяти, солидная дама профессорского вида, и одна совсем молоденькая, лет двадцати. «Ну, эта долго не продержится, тут партнеров для нее интересных нет», – подумал Лео. Взгляд зацепился за женщину, стоящую в самом углу танцевального зала. Она прислонилась к стене, как будто устала, хотя занятие еще даже не началось. «Бледная моль», – подумал он. Почти прозрачный, ее образ покачался перед глазами, как светлое облако. Будто она не здесь и будто она не человек. Что-то защемило в сердце. Он недоуменно поморгал. «Пить меньше надо», – мрачно сказал он сам себе. Впрочем, не в первый раз. А толку...

Сверло было на месте и исчезать не собиралось.

Руководительница клуба повернулась к нему: «Ну, занимайтесь, я вас оставляю», – и вышла из зала.

– Начнем с контакта.

Лео подошел к музыкальному центру и включил «Todo es

атор»⁷Родольфо Бьяджи. Раздались первые звуки бандонеона, а потом широкой волной разлилась скрипка.

Легким движением брови он пригласил Анжелу. Она подошла, играя всем телом, осознавая свою невероятную женскую привлекательность. Белокурые волосы рекой стекали до талии, безупречная сливочная кожа сияла молодостью и свежестью. Изящные щиколотки, обхваченные тонким ремешком серебряных туфель, удивительным образом поддерживали ее статную фигуру с соблазнительными формами. Как всегда, она тщательно выбрала наряд, выверенный до миллиметра: ее идеальное тело, как облитое эластичной тканью узкого леопардового платья с длинным разрезом, неотвратимо притягивало мужские взгляды.

– Подойдите друг к другу. Станьте напротив, закройте глаза.

Он любил это упражнение. Но сейчас жутко разламывалась голова, и он поймал себя на желании побыстрее закончить урок.

Все разбились на пары. Лосось пригласил молоденькую. Лео усмехнулся.

Бледная женщина так и стояла у стены одна. Волонтеров не хватило.

– Не волнуйтесь! Я сейчас к вам подойду! – кивнул он ей. Она слабо улыбнулась и отклеилась от стены.

– Итак, джентльмены, разверните руки ладонями вверх, а

---

⁷ «Все есть любовь» (исп.)

вы, девушки, положите свои руки сверху. И прислушайтесь к дыханию, постарайтесь почувствовать человека напротив. Не открывайте глаза. Пойдите, подышите и синхронизируйте дыхание. Когда вы научитесь танцевать, то на двенадцать минут человек, с которым вы встали в пару, будет вашим главным человеком в жизни. Вы станцуете с ним четыре танца подряд и сможете пережить удивительные эмоции. Иногда люди за это время успевают прожить целую жизнь.

Лео говорил все это, но внутри было мутно. Он сам уже давно не испытывал ничего подобного. Он пришел в танго из-за творческого и личностного кризиса, и тогда казалось – вот оно! Этот мир унесет его от проблем, придаст объема жизни. Но прошло семь лет, и сейчас он снова там же, где и был – в нерешенных пока вопросах, для чего он здесь, в чем смысл всего.

Ему снова было скучно. Новизна исчерпалась и превратилась в рутину. Он продолжал плыть по течению, но внутренний камертон уже отчетливо отражал фальшь.

Лео знал, что слова о глубокой близости с партнером в танго вдохновляют женщин, и поэтому говорил их каждой группе. Все хотят волшебства. И молодые и старые. Хотят любить и быть любимыми. Хотят быть красивыми. А ради чего все это? Он сдержал вздох и плавным шагом направился к одинокой женщине в углу.

Ободряюще ей улыбнулся.

– Закрывайте глаза и положите свои руки на мои.

Он тоже закрыл глаза. Мягкие руки коснулись его пальцев, и он вздрогнул. Ему показалось, что подул теплый ветерок.

«Все есть любовь, – пел чуть надрывно, чтобы добавить страсти, Хьюго Дюваль. – Чтобы соединить наши судьбы... дрожа от эмоций...»

Лео не открывал глаз и дышал медленно, глубоко, давая себе и ей время осознать всю полноту дыхания: начало вдоха, мягкий подъем и раскрытие, а затем кульминацию вдоха, точку начала выдоха, длинный выдох, как будто катишься с горы, точку окончания выдоха и паузу между выдохом и вдохом. И новую волну дыхания, которое неожиданно для него стало окрашиваться расслаблением и блаженством. Ему показалось, что перед ним стоит молодая женщина. Молодая и очень нежная. Пространство вокруг них сгустилось, сделалось тягучим и сладким, и он будто ощутил эту сладость на своих губах. Прижал язык к верхнему нёбу. Лицо его расслабилось. Хотелось стоять так вечно. Они дышали в едином ритме, и было непонятно, кто под кого подстроился. Да и не важно это было.

«Buscando amor, a-mor... Ища любовь, лю-ю-юбовь...» – пел Дюваль. Его голос отзывался в теле тонкой вибрацией – словно кто-то шелковым платком проводит по обнаженному торсу и мелкие мурашки бегут во все стороны, а всепоглощающая детская радость смешивается с тонким чувственным наслаждением.

Лео резко открыл глаза. Наваждение какое-то. Перед ним стояла среднего роста худенькая женщина со стрижкой каре. Сколько ей лет? – пронеслось в голове. – Сорок? Сорок пять? Плюс-минус... Волосы какие-то странные... А хрупкая, почти невесомая, кажется – дунет ветер, и она полетит.

Глаза ее были закрыты, а губы полуоткрыты, как будто она витала в своих мирах. О, он знал это выражение женского лица... он знал.

Он с сожалением тихо хлопнул в ладоши.

– Девушки, открывайте глаза и переходите к следующему партнеру. Повторяем упражнение.

Его визави повернулась и сделала несколько шагов к брутальному мужчине лет пятидесяти в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. «А фигура у нее ничего», – отметил Лео и с удивлением понял, что голова больше не болит. Исчезло терзающее сверло, и чувство, накатившее на него волной, походило на счастье. Господи, как хорошо!

После упражнения на дыхание он дал следующее.

– Джентльмены, возьмите партнершу за руку и пройдитесь по кругу. Постарайтесь действительно быть с ней, – он выделил слово «быть».

И снова решительно подошел к бледной женщине. Хотелось кое-что проверить. Случайность или нет? Он взял ее за руку. Какая нежная кожа, шелковистая... и снова это ощущение сладости на губах. Нет, не случайность.

Они прошлись по танцполу под ритмичную музыку El

choclo⁸.

Впереди гордо вышагивал Лосось со своей новой партнершей, кудрявой блондинкой в очках. Интересно, кто он по образованию? На первом уроке Лео старался создать себе портреты всех учеников. Держится Лосось довольно уверенно. Лысоватый, с тоненькой прядкой, не особенно прикрывающей безволосую макушку, краснощекий, жизнерадостный и круглый, как пупсик, он шагал, чуть подпрыгивая, пытается попасть в сильную долю, и не сводил темных маслянистых глаз с партнерши. Она, смущаясь, смотрела в сторону и все время спотыкалась. «Ничего, ничего, – Лосось снисходительно похлопывал ее по руке. – Освоим мы эту науку!»

Пару перед ними составляли Сашка, друг и соперник Лео по соревнованиям, и дама профессорского вида. Выпирающие косточки на ногах уже не позволяли ей носить никакой обуви, кроме видавших виды мокасин, растянутых и удобных, как домашние тапочки. Длинная юбка и блузка навыпуск скрывали объемные формы, а на среднем пальце правой руки светил рубином массивный перстень.

Сашка любил волонтерить у новичков. Он был привлекателен той необъяснимой мужской харизмой, которая обволакивает сердце дамы и заставляет ее грезить о чуде. Пусть несбыточном, но в этом-то и прелесть чуда – даже при своей несбыточности всегда есть один процент вероятности. А

---

⁸ El Choclo (исп.) «початок» – популярное танго, написанное аргентинским композитором Анхелем Вильольдо в 1903 г.

вдруг? Женщины смотрели на Сашку с обожанием. Среднего роста, подтянутый, сероглазый, он выглядел моложе своих сорока пяти. На уроках он всегда выбирал себе самых некрасивых женщин. Или с бородавкой на лице, или с лишним весом. От нахлынувшего счастья те забывали дышать. Вот и сейчас, дама, которую Сашка вел по кругу, незаметно сжимая в такт ее ладонь, пылала яркими пунцовыми пятнами.

– Паству себе набираешь? – обычно после открытого урока усмехался Лео. Он знал, что за его спиной Сашка предлагал его ученицам платные практики, помогал отрабатывать элементы. Уроком это назвать было нельзя, Сашка педагогического таланта не имел, но стоимость его практик была сравнима со стоимостью частника у Лео.

Лео вся эта мышинная возня была безразлична. Он не снисходил до выяснений. У него и своих учениц хватает.

Крепко держа мягкую узкую ладонь новой ученицы, он размеренно и плавно вел ее вперед, в то же время внимательно глядя, как двигаются пары по кругу.

Яркой зрелой брюнетке в узких черных брючках достался в партнеры сутулый юноша лет двадцати пяти. Он тоже, как сыпью, периодически покрывался красными пятнами, став второй жертвой заразного танго-вируса, и дрожащей рукой бесконечно поправлял очки. «Наверное, айтишник», – вяло подумал Лео. Ему бы хотелось сосредоточиться на своих ощущениях, покатать во рту нежданную сладость, но работа требовала внимания.

К паре брюнетка-айтишник подплыла Анжела, и юноша совсем затрепетал.

– Постарайся слушать музыку, – сказала она напевно и приобняла его за плечо. Айтишник в полуобморочном состоянии машинально кивнул, не зная, куда спрятать глаза. – На сильную долю ты уже должен перенести вес. Что такое сильная доля, знаешь?

Молодой человек ошарашенно посмотрел на Анжелу и криво усмехнулся. Она взяла его за руку и сделала несколько шагов. Брюнетка, оставшись в одиночестве, внимательным взором следила за парами Лео-бледнолицая и Сашка-дама-профессор с лицом в красный горошек.

Лео с партнершей прошли целый круг, и ему показалось, что за это время они перенеслись в иное измерение, покатались на карусели, покачались в гамаке. Вспомнилось, как в детстве взлетал он на качелях, вверх, вверх, и небо было так близко, и свобода смеялась ему прямо в ухо. Никаких особых чувств, напоминающих влюбленность, даже отдаленно, Лео не испытывал – ни трепета, ни вожделения. Ему просто было хорошо с этой женщиной, свободно, легко, как с самим собой. Он давно не был собой. Маски, которые он носил не снимая, срослись с ним и стали настолько привычными, что и он сам уже не помнил своего истинного лица. А вот сейчас ему вдруг захотелось их снять. Все.

– Спасибо, – он резко остановился. – Девушки, переходим. – И с сожалением отпустил ее руку.

Сделал несколько шагов и внезапно почувствовал какую-то тоску, почти ностальгию, как будто его выгнали из родного дома, уютного и теплого, где он ощущал себя в полной безопасности.

Анжела перехватила его беспомощный взгляд. И, увидев ее призывные глаза, Лео провалился в тяжелую мутную тьму, из которой выскочило одно неприятное воспоминание.

Глава 6

Матрица не скажет тебе, кто ты есть.

(«Матрица», 1999)

Виски сдавило и во рту пересохло, как в тот августовский вечер три недели назад, когда они с Анжелой и Сашкой накурились в баре.

Вспомнилось, что настроение у него было ни к черту, он сидел, потягивая виски и мрачно рассматривая уродливый дизайн. Лео не любил китч. От сочетания красного и фиолетового у него сводило зубы. Анжела сидела рядом довольная. Ей все нравилось – место было модное, и она, пройдясь до туалета и обратно, словила несколько восхищенных мужских взглядов и прицокиваний языком. Она уже допила мартини, когда нарисовался загадочный Сашка, что-то держа в кулаке.

– Давайте, ребята, за встречу!

– За какую встречу, ты ж у нас с утра до ночи перед носом мотыляешься! — притворно возмутилась Анжела, смягчая эмоции мягким белорусским выговором.

– Ух, Анжелка, была бы моя воля, я бы с тобой и ночью бы помотылялся, но боюсь, что твой царь зверей меня на клочки порвет.

Лео хмуро улыбнулся.

Сашка протянул ему скрученную сигарету. Ерунду ка-

кую-то предложил, так, по лайту, обычно не торкало его, только на ха-ха пробивало. А тут затягивается, и ничего. Еще затяжка – опять ничего. Эти двое уже заливаются. У Анжелы глаза блестят, как у кошки, зрачки то сужаются, то расширяются. Она встала и принялась томно танцевать прямо рядом со столиком. Голову запрокинула, руками в воздухе рисует какие-то фигуры кудрявые. А его не торкает. Он еще. И еще. А потом, когда уже собрались уходить, он попытался встать и понял, что ноги его не держат. Что он как будто отдельно от тела и не может в него попасть. Ему стало страшно. Стены бросались на него кровавыми пятнами. Его затошнило, и он плюхнулся обратно на стул. Стены сдвигались, зажимая его на крохотном островке стула, и алого становилось все больше.

– Что, Лео, здесь ночевать будем? – игриво спросила Анжела. Светлые волосы развевались в танце. Она подошла, приобняла его за шею.

– Хочешь десертника? Тирамису? У меня осталось.

Он испугался, что она его сейчас задушит. Откинулся назад, но слова не шли, одно невнятное мычание. Он только и смог, что отрицательно покачать головой.

Видимо, выражение его лица показалось ей забавным. Она засмеялась.

– Ну давай, открой ротик! – Она, будто вспомнив что-то, засмеялась еще громче. – Открой. А-а-а...

Он послушно открыл рот и увидел, как к нему из воздуха

подлетела ложка с чем-то желто-коричневым. Он напрягся изо всех сил, чтобы поймать эту ложку ртом, но промахнулся. Торт упал на пол. Ангела снова засмеялась.

– Ну ты вообще... дошел до ручки. Это виски на тебя так? Айда домой. А то как я тебя потащу? Сашка, поможешь мне? – она снова обняла Лео за шею.

– Не надо. – Он сбросил ее руку и поднялся на ватных ногах. Покачнулся. Теперь ему казалось, что в теле обосновалась только половина его, а вторая половина рядом, слева, пытается протолкнуться и уместиться в одном пространстве с первой, но ее все время выносит наружу. Он собрал все силы и, медленно передвигая свою поломанную конструкцию, побрел в сторону уборной.

– Ты куа? – спросил Сашка, еле ворочая языком. Брови его поползли на лоб и так там и прилипли, словно изумляясь выкрутасам друга. – Выход в другой стороне!

– Мне надо.

В туалете Лео долго пытался собрать свое изображение в зеркале. Лицо состояло будто бы из разных кусков. Глаз был на месте рта, щеку он долго не мог найти, как будто часть лица отрезали, волосы со лба оказались почему-то посередине.

Унитаз был тоже фиолетового цвета, и Лео подумал, что за ним дверь в волшебный мир. Нужно нажать кнопку – дверь откроется, и он выйдет в новую реальность. В бескрайний звенящий космос. И будет ему там хорошо.

Он нажал на кнопку. Полилась вода. Но хорошо ему не

стало. С огромным трудом сконцентрировавшись, он нашел ручку двери, крутанул ее и вывалился к Анжеле и Сашке, чуть не сбив их с ног.

– Пошли.

– Тебе плохо? Тебя вырвало? – допытывалась Анжела.

– Мне хорошо, – неприязненно буркнул он. Она не поймет, что он хочет в космос.

Вышли на улицу, которая встретила их вечерним гомоном и яркими красками. По набережной, как обычно летом, флажировали толпы: туда-сюда, туда-сюда, без устали и без остановки. От мельтешения загорелых девушек в разноцветных коротких юбках и шортах и обилия навороченных японских машин, в основном белых, у Лео зарябило в глазах. Анжела и Сашка весело скакали впереди. Лео казалось, что они похожи на мультяшных героев. Две приплюснутые масяни в декорациях этого мира. И декорации-то картонные! И все остальные тоже приплюснутые! И машины ненастоящие... «Это не реальный мир! – вдруг озарило его, и волосы стали дыбом от ужаса. – Куда я попал? Я попал в нарисованный мир. Чё-е-рт... Как я сюда попал? И как выбраться отсюда?»

Они подошли к проезжей части. Лео стоял на обочине и покачивался. Ему казалось, что он стабилен и стоит как влитой, а покачивается все вокруг, потому что теплый летний ветер шевелит картонные дома, картонные машины и нарисованных людей.

Это все не настоящее. Это как павильон на киностудии.

Вот интересно, если я сейчас высуну руку, она пройдет через эту машину? Должна. Проткну ее насквозь или пройду через нее, как Нео через поезд, или наоборот, поезд через Нео, или как там было...

– Лео, блин, ты чего застыл? – Анжела потянула его за руку, и он обернулся, недовольно сощурившись.

Вечно она меня куда-то тащит.

И почему, почему они такие счастливые? Неужели не понимают, не видят, что мы попали в матрицу? Что здесь все бумажное. Р-раз – и треснет по шву этот мир, порвется с легким шуршанием, и кинет его чья-то властная рука куда-то в корзину под столом, как ненужный и бесполезный скомканный листок. Ненужное и бесполезное надо выбрасывать. И правильно. О Господи, помоги! – вдруг пронеслось в голове. Как же выбраться? Снова стать нормальным. Стать человеком...

А вдруг я сейчас умру? Меня засосет этот ужасный нереальный мир, и я никогда не буду прежним. Но я же живой! Я один здесь реальный, не рисованный, не мультяшный. Ведь я все чувствую, все понимаю.

Волосы зашевелились, его бросило в жар. Он сглотнул. А ведь и в реальности все кажется реальным. И здесь тоже. В чем же отличие? Они-то, Анжела и Сашка, думают, что все нормально. Надо спросить.

– Анжа, – прохрипел он.

– Да, дорогой? – она почему-то засмеялась. Глаза блестят,

рот до ушей. Что смешного, что веселого? Мы в западне!

– Ты это видишь?

– Что? – Она взяла его под руку и прижалась всем телом. – Странный ты сегодня. Неужели обкурился? Там же было-то всего ничего.

– Дура! – он вырвал руку.

Она обиделась. Отошла в сторону.

– Да ладно...забей. – К ней подошел Сашка, приобнял. Она раздраженно повела плечом. И почему Лео вечно кайф ей ломает? Ну почему он не может веселиться как они, попростому?

– Ты что, не понимаешь? – Голос Лео сорвался на фальцет. – Вы не понимаете? Мы пропали! Нам не выбраться!

– Пей больше, – равнодушно протянул Сашка и сунул ему в руки полуторалитровую бутылку воды.

Лео вдруг почувствовал, что в горле действительно дерет наждаком, и с жадностью сделал несколько глотков.

Когда они с Анжелой доехали до ее квартиры и ввалились, она уже отошла от обид и прижалась к нему игриво:

– Лео? Как ты?

Но он, отстранив ее, сразу прошел в ванную и снова уставился на свое отражение. Он смотрел и смотрел, и так ему хотелось почувствовать снова то самое состояние, когда он – это он. А не набор кусочков, которые иногда выглядят как целое, а иногда как аппликация, кое-как наклеенная пациентом психушки.

Господи! Кто я? – пронесся вопрос, подобный вспышке молнии.

Глаза его, полубезумные, вдруг стали сужаться и через мгновение превратились в две узкие щелочки. Из зеркала на него смотрел кто-то другой. Какой-то китаец, что ли. Или японец. От ужаса Лео зажмурился и сунул голову под струю холодной воды.

Засыпать было страшно – а вдруг не проснешься? Анжела все пристраивалась и пристраивалась боком, как котенок, который хочет, чтобы его погладили. Но Лео лежал напряженно, уставившись в потолок и стараясь осмыслить ту нереальную реальность, что открылась ему. А может быть, все так и есть? И ему просто показали, что жизнь, к которой он привык, не более чем картинка. А где же искать настоящую? И если все вокруг нарисованные, то значит... значит... и он? Нет, не может быть. Они все – да. Но он – нет. Точно нет!

Липкий ужас бродил где-то около горла и сдавливал его своей отвратительной рукой.

Если не умру, поставлю завтра свечку, – пообещал он сам себе. И повернулся на правый бок, привычно обняв Анжелу. Она немного поелозила во сне, подвигаясь поближе. Рядом с ней, ощущая ее тело, было не так страшно. Наверное, так в пещере согревались доисторические люди. Согревались не только физически, телами, но и душой – чтобы на следующий день, преодолевая страх, высунуть нос из пещеры и идти добывать пропитание, борясь с мамонтами, медведями,

оползнями за жизнь. В одиночку выжить было невозможно. Лео глубоко вздохнул и провалился.

Наутро он обнаружил, что вся его левая рука исцарапана, и вспомнил, как впивался ногтями в тыльную сторону ладони. Чтобы не забыться и не уснуть там, в том мире. Ведь сейчас его бы уже не было.

Это пугающее воспоминание пронеслось как молния, когда на открытом уроке он отпустил руку новой ученицы и увидел томные глаза Анжелы. Ему показалось, что пространство сгустилось, как тогда. Его затрясло. Он обернулся. К бледной женщине подходил, улыбаясь, Сашка. А она... светила. Или снова у него глюк, после вчерашнего? Все, теперь точно все, надо бросать пить. То черти ему мерещатся в виде масянь нарисованных, то ангелы под музыку танго...

Лео подумал, что она знает доступ к какому-то иному миру.

Нет, все-таки с ней это не трип. Это волшебство. Она провела его в реальность, где он никогда не бывал. Или бывал? Раньше, когда вдохновение захватывало душу и возносило ее к высотам экстаза. Когда он забывал себя в потоке страсти. И именно в эти мгновения остро и пронзительно чувствовал свою настоящность.

Неужели каждая женщина – проводник? Ведьмы, колдуньи, чаровницы... и они открывают двери только в те миры, к которым у них есть доступ.

– Как вас зовут? – спросил он, когда на следующем круге снова оказался рядом.

– Екатерина.

– Занимались танцами? – Внутри что-то напряглось, с ней не хотелось разговаривать о пустом, задавать банальные вопросы, как всем, но ничего умнее он придумать не мог.

– Нет, – слабая улыбка снова побродила по ее лицу, – но мечтала с детства.

– У вас хорошо получается, – похвалил он. – Чувствуете ритм.

– Переходим! – Он снова хлопнул в ладоши, чтобы все поменялись партнерами. Анжела, подходя к Лососю, бросила внимательный взгляд на Екатерину. Лео никогда, никогда во время первого урока не разговаривал с ученицами. Он не интересовался именами даже тех, кто годами ходил к нему на занятия. «Все равно я их забываю», – объяснял он, пожимая плечами.

Анжела поджала губы. Мало того, что дома не ночевал, теперь еще какую-то старую калошу охмуряет. Она выпрямила спину. Ладно, не впервой. Кобель он и есть кобель. Как говорила мама.

Глава 7

Правильного выбора в реальности не существует – есть только сделанный выбор и его последствия.

(Эльчин Сафарли «Мне тебя обещали»)

С первого урока Катя вышла в эйфории.

Как хорошо! Что ж она так долго думала, никак не решалась?

Она никогда прежде не испытывала таких ощущений. Казалось, что каждая клетка тела ликует, что все они разом вдруг пробудились и собрались внутри нее в новую форму. Она совсем не чувствовала усталости.

Музыка захватила ее и унесла в заоблачные дали. Эмоции переполняли, лились через край, и она даже не могла различить их – в едином котле смешались и радость, и тактильное наслаждение, и чувство гордости за свое решение, и даже легкая влюбленность во всех подряд.

К ней за час прикоснулось несколько мужчин, и так – с нежностью, трепетом, вниманием, что все ее внутренние резервуары, пересохшие за столько лет, наполнились живой, чуть ли не исцеленной. Подышать, почувствовать партнера, пройтись с ним за руку, ощущая тепло ладони, то уверенной, то ищущей уверенности, – Кате это было близко. Ее языком любви были

прикосновения. И наконец, первый раз в жизни она разговаривала на своем языке, и в пространстве доверительности, созданном Лео, этот язык ни для кого не был иностранным, он стал общим для всех, его понимали и принимали. Уровень владения языком, конечно, был разным и очень личным.

Она вспомнила партнеров и почувствовала тепло в середине груди. Улыбчивый мужчина лет шестидесяти, в розовой рубашке, стеснительный сутулый парень в очках, сероглазый красавец ее возраста (как выяснилось, волонтер) и сам преподаватель, в котором она ощутила тонкую мужскую чувствительность, тщательно скрываемую за фасадом мачо, – Кате было хорошо с ними.

Она, как преподаватель, умеющий держать внимание большой аудитории, восхитилась талантом Лео создать атмосферу доверия сразу же, на первом уроке. Ученики чувствовали себя свободно. Время от времени раздавались смущенные смешки. Она поймала себя на мысли, что ей здесь лучше, чем дома.

И еще подумала, что никогда толком не общалась с мужчинами. Кто был в ее жизни – отец да муж. Пара-тройка коллег по университету... Она боялась мужчин. А они ее не понимали. Как могут сосуществовать в одном пространстве две параллельные вселенные, мужчины и женщины? – размышляла она, возвращаясь с занятия. – И как они находят точки соприкосновения?

Ей понравился сероглазый.

– Александр, – сразу представился он, когда она подошла, – но для вас просто Саша.

Он был обаятелен и даже пошутил, когда она ходила с ним за ручку:

– Вы так хорошо меня слышите, что с вами хоть к алтарю!

Она вздрогнула и бросила на него изумленный взгляд. Он, увидев, как изменилось выражение ее лица, легонько сжал ее руку:

– Не волнуйтесь, это дело добровольное!

И они оба засмеялись, но смолкли под строгим взглядом Анжелы. Волонтер подмигнул Кате и сделал серьезное, «вдумчивое» лицо. Она прыснула, как девочка, и быстро глянула на Анжелу. Та ничего не заметила, и Катя облегченно выдохнула. Даже здесь, на танцах, никак она не могла избавиться от синдрома отличницы. Сашка дружески похлопал ее по руке. С ним было легко. Он, как мотылек, порхал и радовался каждому мгновению.

Когда Катя встала в пару к Лео и коснулась ладонями его рук, она испугалась: это было так интимно, почти сокровенно. Его теплые чуткие руки, казалось, ласкали. Ни отец, ни муж так к ней не прикасались. Они обнимали ее сухо, быстро, всегда на бегу, глядя в сторону, как будто не считали это ни нужным, ни важным и жалели потратить несколько секунд, чтобы вот так просто побыть с ней. Как с дочкой, как с женщиной. Постоять спокойно, подарить несколько мгно-

вений совместного бытия.

А Лео... он как будто искупал ее в океане внимания и чуткости. Он был полностью с ней, только с ней. И слушал ее, и отвечал. Время потерялось. Хронос превратился в Кайрос, в момент, когда происходит что-то уникальное, особенное, способное навсегда изменить жизнь человека, в момент, который не признает ни прошлого, ни будущего, а только настоящее.

Она почувствовала, что пространство вокруг них уплотнилось и замерло, чтобы дать им возможность узнать друг друга. Его руки... да, ласкали. Он держал ладони раскрытыми кверху, но они – ласкали. Было чувство, что он признается ей в любви. Неужели это у него со всеми так? Или она себе что-то придумала? В тот момент ей невыносимо захотелось посмотреть на него, и она приоткрыла глаза. Он стоял с закрытыми глазами, и лицо его сияло, как у Иисуса после вознесения. Казалось, его душа вырвалась из тела и, ликуя, покоряет небеса.

«Неужели это и есть танго? – подумала она. – Как же я могла так долго этого не знать, жить как в пустыне, в сухом научном мире, среди мужчин, которые редко бывают нежны?»

В конце урока Лео и Анжела встали в пару и станцевали под «Un tango y nada mas»⁹ Ди Сарли¹⁰. Как же это было за-

---

⁹ «Танго и ничего больше» (исп.)

¹⁰ Карлос ди Сарли, настоящее имя Кайетано ди Сарли – композитор, пианист

хватывающе! В полноте своей молодой и жизнеутверждающей энергии они сияли красотой. Он был сдержан и сосредоточенно глядел в пустоту перед собой, будто общался с кем-то незримым, она обвивала его рукой за шею, а светлые волосы спадали ниже лопаток роскошной волной.

Катя вздохнула. И у нее раньше были густые волосы...

Нельзя, нельзя давать волю отчаянию! Не за тем она сюда пришла. Нужно порадоваться, что такая красота вошла в ее жизнь, что теперь она сама станет частью нового мира, открывшего ей объятья и поманившего обещанием блаженства.

А может, рак излечим? Нужно просто танцевать и жить по-настоящему.

Она вспомнила, как приняла это решение. Это произошло через неделю после дня рождения.

В начале сентября ей исполнилось сорок шесть. Зеленая листва играла редкими золотистыми брызгами под лучами еще теплого, но уже стареющего солнца, и, пока Катя шла по парку, ей даже казалось, что она слышит, как листья тихо и мелодично звенят, словно мониста у цыганки. «Позолоти ручку, погадаю. И будет тебе король червовый, и дальняя дорога, и дом богатый, и...»

– Да ничего уже не будет, – мрачно сказала она сама себе,

и дирижёр оркестра аргентинского танго, при жизни получил прозвище «Сеньор танго».

отмахнулась от видения, и цыганка, испуганно зыркнув, исчезла. – Все. Жизнь прожита. А что в ней было?

Она ненавидела свой день рождения, который каждый год прибавлял еще одну цифру к двадцати, потом к тридцати, потом к сорока. В двадцать ей казалось, что она уже ничего не успела в жизни, что она бездарность, а вот Гайдар в шестнадцать командовал полком, а вот Александр Македонский в двадцать уже царствовал. В тридцать, когда уже были семья, и двое детей, и работа в университете, и кандидатская, она более-менее примирилась с реальностью и с собой через материнство и научную карьеру, но с ужасом смотрела в будущее, где дети уже взрослые и в ней не нуждаются и она совсем одна. В сорок пять это тревожное будущее превратилось в настоящее и она осталась с младшей дочкой, студенткой, в родительской квартире, которую удалось сохранить после развода.

Сорок шесть лет. Это почти пятьдесят. Возраст дожития. «Кому нужны такие женщины?» – думала она, злобно пиная ковер из коричневеющих листьев, потерявших былую красоту и сморщенных, как руки старушки. «Никому», – отвечала сама себе. И что теперь, что дальше-то? Внутренний критик зацепил за туго стянутый узел боли, в котором слиплись неоправдавшиеся ожидания, претензии к миру, к мужчинам и к себе, чувство самоуничтожения и сожаление о жизни, прожитой бездарно и как-то пресно, что ли. Ненависть к себе стояла перед ней в полный рост. Ведь она, Катя, не Лер-

монтов, которой погиб в двадцать семь, не Пушкин, который умер в тридцать семь, не какая-нибудь там Жанна д'Арк, которую уже в девятнадцать сожгли... но ведь как она боролась за свою страну, как боролась!

В голове, как злые осы, жужжали и кусались ядовитые сравнения, но как она ни старалась с детства соответствовать папиным ожиданиям, никак не могла встать в один ряд с Пушкиным, Александром Македонским и Жанной д'Арк.

«Ради великой цели и умереть не страшно», – сказал однажды папа, собираясь на научную конференцию и стоя в праздничном костюме перед зеркалом. Мама заботливо оглаживала щеточкой полы пиджака, смахивая невидимые пылинки. Папа раздраженно повел плечом, и мама отдернула руку.

– Ну а ты, муха? – он с интересом приподнял густую бровь с импозантными штрихами седины. – Ради чего будешь умирать?

В двенадцать лет мысль о том, что умирать надо ради чего-то, Катю совершенно ошеломила. И сейчас, в сорок шесть, этот вопрос снова разверзся перед ней, как бездна.

Умирать, вообще-то, не хотелось.

Но и жить не получалось.

И как же я умудрилась соорудить себе такую жизнь, в которой, если разобраться, я чувствую себя вечной жертвой?

Страдать не хотелось, но кто же ее заставлял? Почему сейчас, оглядываясь назад, она видит, что профукала что-то

главное. Может, папа был прав и того большого, ради чего стоило даже умереть, так и не случилось в ее жизни?

На курсах психологической помощи онкобольным тренер, молодая позитивная девочка с веснушками, бодро и звонко рассказывала, как надо любить жизнь и находиться «в моменте». Ее Катя тоже тихо ненавидела. «Хорошо ей, она молодая», – нашёптывал внутренний голос. Опять этот судья! Удивительно, насколько он меняет облик, да так, что его не поймать с поличным. Сейчас его скрипучий стариковский голос с горьким сарказмом повторял всем известную фразу: «А в сорок лет жизнь только начинается». И тут же кривлялся: «Вот бред! Сладкие сказочки от Владимира Меньшова! Все такие умные, учат, учат...»

Она вздохнула. Бесконечные разговоры внутри головы уже начинали походить на шизофрению. Может, ей к Римме пора?

Она вышла из парка. Истеричный гул города нестройным хором сообщал о своих проблемах: где-то сиреной орала скорая, машины неприязненно гудели, пешеходы шаркали ногами по асфальту, дети капризничали и что-то выклянчивали у матерей. На остановке шумные восточные люди выясняли отношения на своем птичьем наречии. Каждый резкий звук причинял Екатерине почти физическую боль.

«Удавиться, что ли? – уныло подумала она. – Нет, и удавиться кишка тонка». Ни жить, ни умереть толком не получалось.

Ветер, уже наигравшись золотыми монистами берез, решил поиграть с ее волосами. Да не тут-то было. Волосы были спрятаны под шелковой косынкой, туго стянутой сзади, – ни запутать их, ни разметать. Ветер поблуждал по лицу, на котором словно маска, застыло выражение отчужденности – будто кто-то изнутри с какой-то брезгливой неприязнью отталкивал и это лицо, и это тело. Тогда ветер погладил лоб с двумя параллельными бороздками, что становились глубже, когда она думала, и удалился. Ему хотелось творческих свободных бесчинств – сорвать с кого-нибудь шапку, вырвать из рук пакет с чипсами, забраться под кашне и пощекотать чью-нибудь ключицу прохладными губами. Эта женщина была скучной для ветра. Она только поплотнее запахнула полы серого кардигана и чуть быстрее зашаркала по улице.

Последняя, четвертая химия далась особенно тяжело. Тошнота и слабость начинались с самого утра, ее «водило» по комнате, и ей казалось, что она не может попасть в собственное тело.

– Гуляйте понемногу, – посоветовал вчера врач, отпуская ее. Ей казалось, что он не пытался даже изобразить участие. Наверное, привык уже ко всему. И не различал их. Они приходят, лечатся, борются. Кто-то возвращается потом, с желтоватым лицом и заостренным подбородком. Худые, почти прозрачные тела колышутся при соприкосновении с землей, словно готовясь оттолкнуться от нее и воспарить. Другие, воспарившие, больше уже никогда не придут.

Она кивнула. Все рекомендации она выполняла неукоснительно, но не потому, что хотела жить и боролась за каждую секунду этой жизни, а потому, что привыкла. Привыкла все делать правильно. Как сказали. И еще потому, что ей было все равно – надо же чем-то занять себя. Поэтому ходила в парк и гуляла от скамейки к скамейке. Несколько шагов – остановка, передышка. Ноги как свинцовые, а каждый шаг – достижение. Она валилась на скамейку. Самое сложное – потом встать. Тело хотело растечься прямо здесь и никуда больше не двигаться. Ему казалось, что весь ресурс исчерпан. Но, посидев минут пятнадцать, она усилием штангиста, делающего последний выпад, выкидывала тело вперед и заставляла сделать новый первый шаг. Так они и договаривались: оно капризничало, она применяла железную волю. Иногда упрашивала. Иногда плакала.

Теперь ноги привели ее к автобусной остановке. Кажется, что-то надо было купить в овощном ларьке. Она остановилась, вспоминая. Машинально скользнула глазами по афишам Дворца культуры железнодорожников, где часто давали спектакли приезжие театральные труппы. Знакомые с юности лица, постаревшие и мудрые, словно увещевали с плакатов: «Ничто не вечно, видишь, и мы уже не те. Хотя и молодимся. Хотя и фотошоп».

На одном из плакатов страстная девушка в неестественном, но прекрасном изгибе, опиралась спиной на локоть не менее страстного мужчины, который склонился к ней и по-

что касался губами ее лица. Всем своим гордым видом он будто объявлял миру: «Посмотрите на настоящего мужчину».

«Приглашаем на уроки аргентинского танго», – большими, алыми, как платье танцовщицы, буквами было написано внизу.

Она неприязненно хмыкнула и отвернулась.

– Готовьтесь, – сказал ей врач напоследок. – Анализы неплохие, еще три химиотерапии, и сможете отдохнуть немного.

Еще три. Это много? Или мало? Как выжить после них? Она стояла у Дворца культуры, а глаза блуждали по яркому плакату с танцовщиками.

– Вот пойду и запишусь! – с вызовом сказала она себе.

– Не пойдешь, ты же трусишка, – снисходительно ответил кто-то внутри. Ей даже показалось, что она увидела маленького человечка, клерка в клетчатом пиджачке. Неужели это снова судья? Преобразился в циничного клерка. Он сидел за маленькой допотопной конторкой и неспешно пил чай, но, когда внутренняя Женщина предложила свое «безумство», он поперхнулся от неожиданности. Однако быстро понял, что его стабильности ничего не угрожает. Да что она сделает?

– Пойду! – еще раз сказала Женщина, нежная, как незабудка, впрочем, уже порядком потрепанная невниманием. – Я хочу танцевать, – с неожиданной силой произнесла она, а

Клерк тире Судья снова поперхнулся.

– Да куда тебе! – возмущенно заверещал он. – Ты на себя давно в зеркало смотрела?

В зеркало она смотрела каждое утро. Вглядывалась в ставшее незнакомым осунувшееся лицо, серые глаза, блеклые и полупрозрачные. Темные круги под глазами старили ее еще больше. А пух на голове выглядел жалко и неопрятно, будто кто-то хотел покрасить его белоснежной краской, но ее не хватило.

– Тебе с таким видом только в пещере сидеть!

– В пещере?! – В этот момент поблизости отчетливо раздалось: «Следуй своим желаниям». Она даже оглянулась, чтобы посмотреть, кто ей это шепнул на ухо. Но вокруг никого не было, лишь ветер играл краешком плаката.

– Куплю парик и приду, – пообещала она танцорам.

И пришла.

Глава 8

– А сейчас подумай о своей смерти, – неожиданно велел дон Хуан. – Она на расстоянии вытянутой руки. И в любое мгновение может похлопать тебя по плечу, так что в действительности у тебя нет времени на вздорные мысли и настроения. Времени на это нет ни у кого из нас.

(Карлос Кастанеда, «Путешествие в Икстлан»)

О своей болезни она узнала почти случайно.

В апреле она заболела гриппом и после выздоровления чувствовала сильную слабость и спазмы в животе. В Интернете прочитала, что симптомы похожи на субатрофический гастрит: боль в желудке, тошнота. Пошла к врачу-гастроэнтерологу в районную поликлинику, и он настоял на полном обследовании: гинеколог, терапевт, анализы крови, УЗИ.

Когда она пришла на УЗИ, ее поразило несоответствие между старым обшарпанным зданием поликлиники, ремонт которой последний раз был сделан в начале восьмидесятых, и новехоньким дорогим аппаратом для диагностики.

Но, чтобы забраться на стол к этому навороченному аппарату, ей пришлось подняться по ступеньке, сделанной из фанерного ящика.

– У нас ремонт, – извиняющимся голосом пробормотала молоденькая врач. – А на все денег не хватает. Вот, оборуду-

дование выбили, это же главное, правда?

Катя кивнула и закрыла глаза.

Она буднично думала о предстоящих лекциях в университете и о своих аспирантах. Проклятая тошнота мучила ее и отвлекала от работы, которая была почти всей ее жизнью, особенно в последнее время, после похорон отца и развода с мужем. Но еще больше ее отвлекала странная сонливость и апатия, как будто жизненные силы ее оставили. Она не любила ходить по врачам и делала это в самом крайнем случае, когда становилось совсем невмоготу. Поскорей бы выписали лекарства, и все. Ее не насторожило, даже когда девушка, которая делала УЗИ и долго возила ручкой аппарата по животу и груди, аккуратно поинтересовалась:

– Вам сколько лет?

– Сорок пять.

– Дети есть?

– Есть, двое.

– Замужем?

– Нет...

– Вы на маммографии были в этом году?

– Нет...

Девушка деликатно откашлялась и после паузы сказала:

– Вы знаете, тут мне у вас кое-что не очень нравится, давайте вы еще раз сделаете УЗИ в онкологическом диспансере, хорошо? Я вам направление выпишу к маммологу, запишитесь.

Сознание Кати выхватило слова «мне здесь не очень нравится» и «в онкологическом». Выхватило, но не успело обработать, реакция осталась на уровне животного панического страха.

«В онкологическом, в онкологическом», – застучало в висках, будто пестрый дятел отчеканивал сообщения в ее голове. SOS. Это не гастрит. Глаза ее ничего не видели. Она неловко, как в полусне, сползла с аппарата и принялась механически одеваться. Руки отказывались подчиняться, юбка выскользнула и упала на пол. Катя наклонилась за ней и пошатнулась.

– С вами все в порядке? – девушка-врач участливо подержала ее за руку.

Катя кивнула, как замороженная. Все происходило будто не с ней. Она словно смотрела страшный фильм, но к ней он не имел никакого отношения.

Не помня как, она вывалилась на улицу. Вытащила телефон. Последним непринятым был вызов от Риммы. Катя ткнула в зеленый кружок. Попала. Хотя руки тряслись, а глаза застилал туман.

Она произнесла что-то нечленораздельное, как эпилептик, который силится собрать слова воедино, но они разъезжаются, и он не успевает. Осознание своей беспомощности и страха, что случилось непоправимое, парализовало ее.

– Адрес давай! Я сейчас приеду! Сиди, никуда не уходи! – крикнула Римма в трубку.

Катя повалилась на скамейку и уставилась стеклянным взглядом в стену поликлиники. Дверь, как огромная черная пасть, то и дело распахивалась, глотая и выплевывая людей. Пока живых. Смотреть на пасть поликлиники было неприятно, и она опустила глаза.

К ее ногам сразу подскочил воробышка: чего, мол, сидишь, есть давай! Он скакал боком и так посверкивал глазами, что Кате стало неудобно. Она поискала в кармане – ни крошки. «Не подготовилась», – осуждающе посмотрел на нее воробей и скакнул прочь, к другой скамейке, где сердобольная бабушка щедро крошила горбушку белого хлеба. Вот где движуха! На Катиных глазах разгорались истории из воробыиной жизни, с их маленькими воробыиными проблемами, которые они решали тут же, не заботясь о будущем. «А почему маленькими?» – подумала она. Для них их проблемы так же велики, как для нее ее собственные сейчас. Жизнь и смерть касаются каждого. И у каждого свой крест.

Позади хлопнула дверца автомобиля. Прицокали каблочки. Катю обдало ярким солнечным ароматом духов.

– Что тут у тебя?

Все, что Катя смогла произнести:

– В онкологический... мне надо... к маммологу... а там записать...

Римма молча и деловито набрала номер. Катя услышала только:

– Спасибо, мы уже едем.

– Вы не переживайте, все нормально, у вас тут небольшой узелок, ничего страшного, – деланно бодро стрекотал врач, полный кудрявый мужчина в накинутом на костюм белом халате, который не сходился на животе. – Мы прямо сейчас разрежем, отправим на биопсию, посмотрим, даст Бог, это доброкачественная, вырежем и все, шрамик будет совсем небольшой. Не переживайте! Вот тут подпишите, что даете согласие на операцию, и идите оформляйтесь в регистратуре.

Разрыв между его успокаивающими словами и глазами, в которых в полный рост угрожающе встала фигура смерти с косой, был так велик, что Кате сделалось жутко. Как же так? Вот так быстро все завертелось, она не успевает даже понять, что происходит, ее просто несет потоком жизни, и ей страшно, до трясучки страшно от невозможности контролировать этот поток, от сознания того, что теперь ее судьбой распоряжается кто-то другой.

Она вышла в коридор. Римма сидела на скамейке, сгорбившись и сцепив руки. Увидев Катю, она поспешно выпрямилась. Рядом со скучающим видом расположилась молодая женщина лет тридцати с фиолетовыми волосами. На коленях она держала пухлую карточку. На скамейке напротив сидели две женщины за пятьдесят, близнецы с одинаково серыми лицами и уныло опустившимися уголками губ.

– Римма, – прошептала Катя, с трудом ворочая языком, – меня на операцию отправляют.

– Как? Прямо сейчас?

– Ага. Это вообще как, нормально? – она вопросительно посмотрела на Римму, та в ответ хмуро промолчала, закусив губу. Даже ей, всегда умеющей найти позитив в любой неприятности, стало не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.